

> ЕДИЦІЯ
ІНОВАЦІЇ
ВЛАДИМИР
ГАРЯНСКИ

ЗАВОД ЗА КУЛТУРУ
ВОЙВОДЯНСКИХ РУСНАЦОХ
ЗАВОД ЗА КУЛТУРУ ВОЈВОЂАНСКИХ РУСИНА

Александра Лендер - Литературно - Исторички Дискурс Драмског Додатку Часописа "Шветлосц" у периодзе од 1952. року по 2010. рок

Александра Лендер

ЛИТЕРАТУРНО – ИСТОРИЈНИ ДИСКУРС ДРАМСКОГ ДОДАТКУ ЧАСОПИСА “ШВЕТЛОСЦ” У ПЕРИОДЗЕ ОД 1952. РОКУ ПО 2010. РОК

ЕДИЦІЯ
ІНОВАЦІЇ
ВЛАДИМИР
ГАРЯНСКИ

**ЕДИЦІЯ
ИНОВАЦІЇ
ВЛАДИМИР
ГАРЯНСКИ**

ISBN 978-86-89945-15-7

**Литературно – историјни дискурс
драмског додатку часописа “Шветлосц”
у периодзе од 1952. року по 2010. рок**

Видавателъ

Завод за културу войводянских Руснацох

За издавателя

Анамария Ранкович, вд директора

Лектура

Александра Лендер

Автор мастер работи

Александра Лендер

Подобово графичне ришене

Игор Орсаг

Друкарня

АлфаГраф, Петроварадин

Место и рок друкованя

Нови Сад, 2017.

Тираж

100

Публикация реализована зоз потримовку
Покрајинског секретаријата за културу,
јвне информоване и одношеня з вирским заједницами

Публикација је објављена уз подршку
Покрајинског секретаријата за културу,
јавно информисање и односе са верским заједницама

Александра Лендер

**ЛИТЕРАТУРНО – ИСТОРИЈНИ
ДИСКУРС ДРАМСКОГ ДОДАТКУ
ЧАСОПИСА “ШВЕТЛОСЦ” У
ПЕРИОДЗЕ ОД 1952. РОКУ ПО 2010. РОК**

МАСТЕР РОБОТА

МЕНТОР:

Проф. др Стеван Константинович

ЗАВОД ЗА КУЛТУРУ ВОЈВОДЈАНСКИХ РУСНАЦОХ

Нови Сад, 2017.

Змист

Увод	7
1. Историйна динамика и змист драмского додатку у часопису «Шветлосц»	11
1.а Драмски тексти руских авторох	12
1.б Драмски тексти странских авторох и прекладаче	13
2. Препатрунок драмских додаткох у Шветлосци у периодзе од 1952. по 2010. рок	17
3. Мотивски репертоар драмаох по руски у драмским додатку часописа «Шветлосц»	29
4. Монодрама	53
4.а Монодрама при Руснацох	54
4.б Мотивски репертоар монодрамох	56
5. Заклучене	65

УВОД

Корені театра при Руснацох находзиме у приказу християнскей приповідки о народзеню Исуса Христа котра позната под назву «Вертеп». Тота драма першенствено церковна, але познєйше вона достала шветови характер кед ше ю зоз церкви преселєло до обисца, блїжей гу народу, а у городских стредкох на площи блїско церковних будинкох. Теди вона пребера елементи обряда, а зоз нїм и театра (костими, шминка, реквизит, улоги, текст итд). У першей часци того «фалата» ше шпивало коляди, а у другей часци текст бул импровизация и вон директно завишел од схопности «глумца». Медзитим, перши доказ о отримованю театралней представи датира зоз 1913. року, зоз Коцура. У питаню поволанка на *забаву* на котрей, медзи иншим, одбавени два єднодїйки, «Не преклінай» и «Врачарка» од Луцика. У поволанки не мож обачиц ані єден податок котри гутори же то перше виводженє театралней представи у валалє, а бизовно же би пририхтоваче представи зазначели кед би ше то случовало по першираз.

Неподполни и недостаточни податки о театралним живоце Руснацох од нас вимагаю же бизме заключели же вон не исновал скорей Першей шветовой войны. Медзитим, наисце чежко прилапиц факт же Руснаци по теди не мали нїяки дотики зоз драмску творчосци, окреме пре то то же шицки у їх окруженю уж познали рижни форми тей уметности, а окреме теди бул популярни – **школски театер** (при Сербох вон теди исновал уж полни вик). Но, податки котри маме даваю нам таке заключенє же Руснаци по теди мали лєм тоту подїю як рух у їх театралним живоце. Кажди усни вислов, та так и театрални, окрем усней литератури и наказованя у церкви, бул у функції очуваня народного языка.

Конєц Першей шветовой войны и снованє Руского народного просвитного дружтва 1919. року, у подполности меня стан театралного живота Руснацох и вон двацетих рокох 20. вику доживює свой правдиви розвой. Гавриїл Костельник написал першу драму по руски, драмски фалат за дзеци «Гу Христови» 1923. року, а рок познєйше обявел драму «Єфтайова дзивка» котра уж 1925. року була одбавена у Коцуре. Потполно правдиве заключенє Дюри Латяка у монографії *Театрални живот Руснацох же идейно-етични план Костельниковей трагедії мал подлогу у рускей заєднїци. Тот факт пояснює популярносц тей трагедії и ей длуги живот на сцени.* (Латяк, лит. 1/2008)

Додала бим лєм же тексти котри знука теми маю любов гу жеми и морални жертви, як и «Єфтайова дзивка», буду и надалей цікавиц як режисерох, так и руску публику, та не чудеє факт же од теди, тоти елементи, часто буду вибор руских авторох. По векшим доприношеню и уплїву на драмску творчосц видвоюю ше познейше Петро Ризнич, а окреме Михайло Ковач як автор. У периодзе медзи двома шветовима войнами Ковач найплоднейши драмски писатель, а тот епитет затримал и после Другей шветовой войны. Медзитим, чувствовал ше недостаток оригиналних текстох, та ше вон пополньовал у початку зоз прекладами зоз українского языка, а познейше зоз сербского. Петро Ризнич Дядя¹ у статї зоз другого числа Шветлосци пише так: *Други почезжосци – то театрални фалати. Ми ше прилапели прекладац сербски театрални фалати од Нушича, Стерїї и Трифковича. Правда, як гваря, «кед нет риби, добри и рак», але ше на пракси указало же тоти театрални фалати у нашим народу немаю успиху...Треба же би нашо млади писателе жертвовали труду и попробовали свойо сили на театралним полю. Тоти театрални фалати муша ришовац тематику зоз нашого народу, а того при нашим народзе маме надосц.* (Шветлосц, лит. 7/1952)

Тото зявенє окреме одвитовало квалитету представох котри виводзени, але и будуцих оригиналних текстох. У тим периодзе Руснаци подзвигли уровень театралней творчосци, а найвекши успих того часу то вибудована свідомосц о значносци театра у дружтвеним и националним пребудзеню. Така велька заинтересованосц за театер почне отверац простори котри театар вимага. Драмски мемориял «Петро Ризнич Дядя» першираз организовани 1969. року, а аматерски театер зоз истим меном сновани 1971. року и будзе исновац по 2003. рок кед почне робиц як професийни театер.

Руске народне просвитне дружтво видало 1924. року драму Гавриїла Костельника «Єфтайова дзивка». То перше драмске діло котре на тих просторох обявене по руски. Од теди по стредок седемдзешатих рокох не маме стаємни обявйованя драмских ділох, аж мож повесц же су ридко обявйовани. У публикацийох котри друковани у тот час драмске діло ше могло дакеди пренайсц у «Руских новинох», и то звичайно як виривок, а найчастейше було повязане зоз театралним животом Руснацох у тим чаше.

¹ Петро Ризнич Дядя – найзначнейши театрални діяч при Руснацох у Бачкей. Народзени є 1890. року у Галичини, Україна дзе закончел перши два уровнї школованя. Драга го наведла до тих крайох дзе є запаметани як режисер и театрални педагог. Як режисер ше першираз зявюю у Коцуре 1926. року. Од теди режирал вещей як 500 театрални представи по цалей Бачкей, але остал вирни деском руского театру дзе закончел кариєру, та и живот. Од 1969. року, йому на чєсц, каждого року ше у Руским Керестуре отримус Драмски мемориял котри ноши його мено.

Найвекшу улогу у презентації драмских ділох як странских, так и домашніх писательох читацкей публики дал часопис за литературу, культуру и уметноц «Шветлосц». Часопис виходзи од 1952. року зоз павзу у периодзе од 1955. по 1966. рок и єдина є публикация тей файти при Руснацох у Войводини и Сербії. По нєшка, вон найугляднейша периодична публикация и хвильково є на найвишим интелектуалним и творчим уровню кед у питаню науково публикації при Руснацох. Сотрудніки часописа руски писателє и прекладателє, а окрем сотрудничох з нашей жеми, зоз часописом нєпреривно сотрудзую и авторе з иножемства, цо представя вельки крочай у медзинародней афирмації. Шветлосц за тоти 47 роки котри ту зазначени найчастейше виходзел квартално (штири до рока), алє було периоди кед виходзел раз до рока и часи кед за рок обявене аж шейсц числа. Пре наведзени причини, указує ше потреба пописац шицки виданя зоз окремну повагу на драмски додаток хтори меней лебо вецей бул стаємна рубрика того часопису. Зоз пописом драмских текстох хтори були обявени у часопису достава ше прегляд того цо було актуалне, лебо голєм понукнуте, у обласци драмскей литературней творчосци през бліско 50 роки (рахуюци и павзи у друкованю часописа «Шветлосц» пейдзешатих рокох). Тот додаток, з оглядом на тот же є єдини стаємни котри порядне обявює драмски діла, охабел, и ище вше охабя, моцни печач на драмску творчосц Руснацох понеже драмски діяче роками на бокох додатка гледали свойо инспирації. Прегляд, на свойофайтови способ, бешедує о уплїву миграційох, политичних и економских збуваньох и социялним статусу Руснацох у Сербії през тоти роки.

У роботи препатрени и записани 204 виданя² часописа «Шветлосц» хтори обявени од 1952. року по 2010. рок (заклучно зоз децембром 2010. року). У попису окремно одделєни два конкурси котри були обявени и видруковани як тематичне число часописа «Шветлосц», а розписани су пре потреби за оригиналним руским текстом котри би бул бавени у Руским Народним Театре «Петро Ризнич Дядя».

² Пре обєктивни причини, авторка нє могла пренайц 8 числа часописа «Шветлосц». То шлїдуюци числа:
 147. Рок XXXI юлий-децембер 1993 число 2-2
 150. Рок XXXII юлий-септембер 1994 число 3
 151. Рок XXXII октобер-децембер 1994 число 4
 156. Рок XXXIV април-юний 1996 число 2
 157. Рок XXXIV юлий-септембер 1996 число 3
 158. Рок XXXIV октобер-децембер 1996 число 4
 166. Рок XXXVIII юлий-децембер 2000 число 2-2
 172. Рок XL юлий-децембер 2002 число 2-2

При анализи драмских творох не було можліве бешедовац о окремой поетики авторох, бо ше звичайно анализовало єден лебо два тексти. У периодзе од 1952. по 2010. рок пришло по прерву друкованя часописа «Шветлосц» и то од децембра 1954. року по октобер 1966. року кед ше ознова порушує друкованє. Рахуюци и павзи у друкованю то период од 46 роки. Обробени 204 виданя часописа «Шветлосц» у тим часе. Доступни 196 виданя «Шветлосци» котри препатрени. Од тих 196 число, два числа тематични числа у котрих обявени конкурси за драмски тексти и то:

- Конкурс часописа «Шветлосц» и Руского народного театру «Дядя» за 2002. рок
- Конкурс за драму за 2007. рок

Не рахуюци тоти конкурси, о котрих будзе слово у дальней роботі, оставаю 194 виданя.

Од 194 числа котри записани и препатрени 62 виданя немаю драмски додаток як рубрику, ані драмски текст у своїм змисту. Оставаю 132 виданя котри маю драмски тексти у своїм змисту. Од тих 132, штири числа маю по два тексти, од того три числа маю по два тексти котри у оригіналу писани по руски (опатри число 37, 124, 171 и 201).

Два розличити драми под истим меном двараз видати у виданьох «Шветлосци». То «Ораче, ораче» Михала Ковача (числа 10 и 11, число 102), то два верзиї истей Ковачовой драми. Три драмски тексти у часцох видати у часопису. У числу 8 и 9 «Вона невиновата» Йовгена Кочиша, у числу 10 и 11 «Ораче, ораче» Михала Ковача и у числу 105, 106 и 107 «Хамлет» Вилиєма Шекспира.

1. ИСТОРИЙНА ДИНАМИКА И ЗМИСТ ДРАМСКОГО ДОДАТКУ У ЧАСОПИСУ «ШВЕТЛОСЦ»

По 1970. рок драмски додаток як рубрика у «Шветлосци» не існує. Од 1971. року по 1977. рок драмски додаток, кед го було, друковани на иншаким паперу и бул додати на порядне число. Отадз и його назва, драмски додаток. Тексти хтори по теди обявени були непорядни, а у периодзе од 1966. року по 2. число у 1970. року замеркована найвекша павза у обявйованю драмских текстох. Окрем тей існовали ище даскелі павзи у видаваню драмских текстох и то 1988. року и познейше, 1991. и 1992. року пре нестабилну ситуацию у жеми, а потим и 1997. року и 1999. року кед за цали рок вишло лем єдно число «Шветлосци», тиж пре невігодну ситуацию у жеми. Патраци начално драмски додаток постава стємна рубрика у часопису «Шветлосц» од 1970. року зоз меншима павзами.

Числа „Шветлосцох“ котри видати у декадох:

У периодзе од 1950. року по 1960. рок видате 12 числа „Шветлосцох“

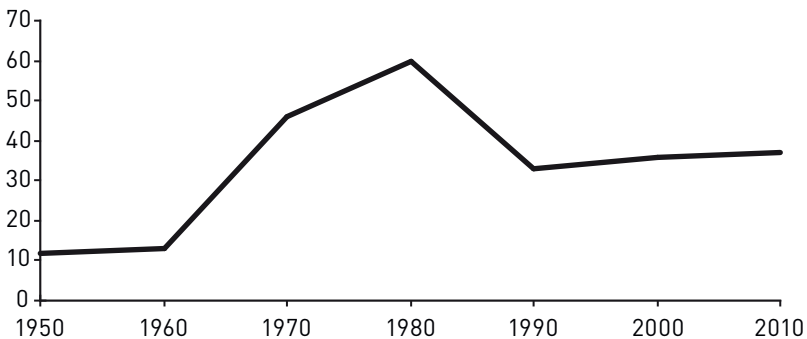
од 1960. року по 1970. рок видате 13 числа „Шветлосцох“

од 1970. року по 1980. рок видате 46 числа „Шветлосцох“

од 1980. року по 1990. рок видате 60 числа „Шветлосцох“

од 1990. року по 2000. рок видате 33 числа „Шветлосцох“ од хторих шейсц неприяйдзени

од 2000. року по 2010. рок видате 36 числа „Шветлосцох“ од котрих два неприяйдзени

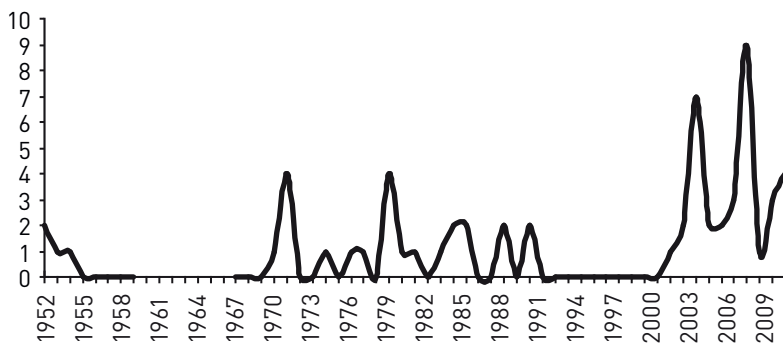

фреквентносц обявйованя часописа Шветлосц

1.а Драмски тексти руских авторов

У периодзе од 1952. року по 2010. рок исную 52 виданя часописа «Шветлоц» котри маю драмски тексти у оригиналу писани по руски. Исную 2 тексти котри ше преламую на два виданя часописа, а и у трох виданьох ше зявюю по два тексти по руски, доставаме число од 53 драмски тексти по руски хтори у тим периодзе видати у часопису «Шветлоц».

Ѓу тому, часопис «Шветлоц» 2003. и 2007. року мал тематични числа, по єдно у каждим року кед обявел тексти зоз конкурсох за найлєпши драмски текст по руски. У тих двох виданьох вкупно обявене дзешец драмски тексти по руски. Доставаме число од 63 драмски тексти по руски котри у наведзеним периодзе обявени у часопису «Шветлоц».

фреквентносц обявйованя тєстєох на руским язикѹ

Тренд писаня и обявйованя тєстєох руских авторов бул актуални коло седемдзєшатих рокох и заш ше у велькей мири зявює од 2000-того року и тирва и далєй. Тот тренд у остатнїх декадох ше найбаржей розширел зоз ростом популярносци других драмских формох, як цо то монодрама и дуодрама, алє и дзєкуюци конкурсом. Праве у декади кед маме найвєкше число драмских тєстєох писаних по руски аж два числа часописа пошвєцєни конкурсом за найлєпши руски тєкст (опатри число 175 и 193). Рахуюци и тоти два тематични числа у котрих ше находза по пєйц тексти зоз конкурсох, то 63 тексти по руски котри у тим периодзе видати.

Зявюю ше тексти двацєц авторов и то:

Дюра Папгаргаї – 11 тексти

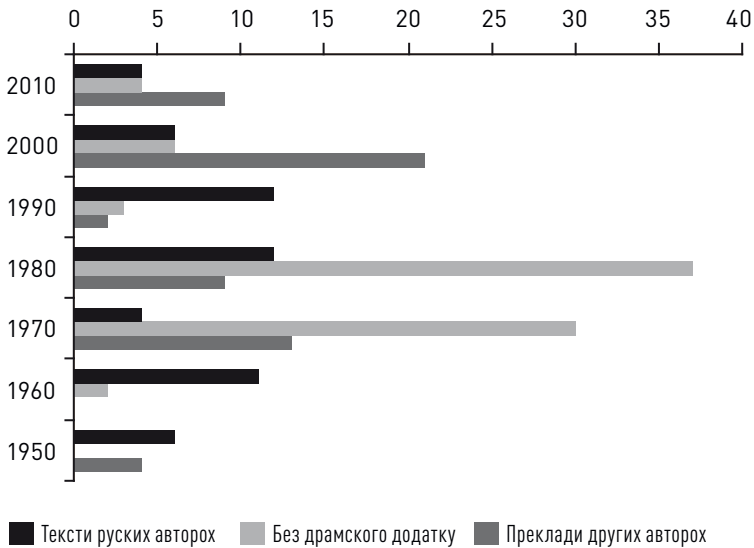
Михеон Хун-Кан – 9 тексти

Михал Ковач – 8 тексти

Ирина Гарди Ковачевич – 6 тексти

Штефан Худак – 5 тексти
 Владо Костелник – 3 тексти
 Владимир Кочиш – 4 тексти
 Евґений Кочиш – 4 тексти
 Звонимир Павлович – 2 тексти
 Славица Шовш – 2 тексти
 Серафина Макаї – 2 тексти
 Микола Шанта – 2 тексти

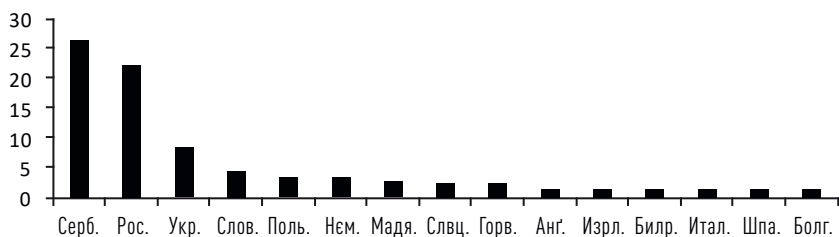
По єден текст маю: Силвестер Дорокхази, Юлиан Пап, Янко Сабадош, Мария Сопка и Мирослав Стрибер.

1.6 Драмски тексти странских авторох и прекладаче

Од тих 132 виданьох аж у 80 ше находза 79 тексти странских авторох (драма Вилиєма Шекспира ше зоз часцох видавала, та ше находзи у трох числох, єден текст писали двоє авторове, од єдного автора маме два тексти). Найзаступенши сербски авторе (26 тексти), алє и російски авторе (22 тексти), потим украински авторе (8 преклади), словацки авторе (4 преклади), зоз польского языка маме три преложени тексти (шицки три од Славомира Мрожека), три преклади маме и зоз нємецкого языка. По два преклади маме мадярских авторох и словенацких авторох. По єден текст преложени зоз шпанского, анґлийского, израелского, било-

руского, италиянского и болгарского языка. Мама два текста преложени зоз горватского языка. Найзаступенши авторе чийо тексти ше даскельо раз зявюу у виданьох то: Антон Павлович Чехов (5 раз и то лем по 1975. рок, познейше є не прекладани), Бранислав Нушич (5 раз), Йован Стерия Попович (5 раз), Александер Вампилов (3 раз) и Александер Н. Островски (3 раз).

Числа обявених прекладах странских авторох у часопису Шветлосц

Информацији о прекладаню неподполни. Не вше мама информацию же чи прекладач преклада зоз языка оригинала чи за свой преклад хасновал уж зробени преклад по сербски цо ше найвироятнейше часто случовало. Єден драмски текст представя сценски приказ зоз фолклору и не мама информацию о писателюви. (опатри число 53) За єден драмски текст (опатри число 14) немаме информацию о прекладачови, остава 79 тексти.

Два драмски тексти маю по двох прекладачох. У питаню драмски текст «Хамлет» Вилиєма Шекспира дзе прекладаче Мария Сакач и Михайло Фейса и вон друковани у трох часцох, та оставаю 77 тексти. Текст «Провинцияна дзивка» Кити Буачидзе тиж прекладали двома прекладаче: Евгений Чакан, а стихи Микола Скубан.

Тексти странских авторох котри преложени и обявени у часопису прекладали шлїдуюци авторе:

Микола Скубан – 25 преклади

Дюра Латяк – 10 преклади

Мирон Канюх – 9 преклади

Евгений Чакан – 7 преклади

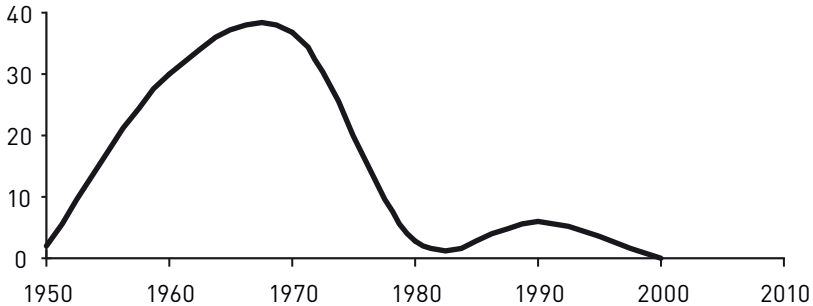
Агнета Бучко – 4 преклади

Владимир Надь Ачим – 6 преклади

Наталия Канюх – 3 преклади

Микола Сегеди – 2 переклади
 Наталия Дудаш – 2 переклади
 Иван Бесермині – 2 переклади
 Михал Ковач – 1 переклад
 Дюра Папгаргаї – 1 переклад
 Марія Горняк – 1 переклад
 Марія Тот – 1 переклад
 Владо Костелник – 1 переклад
 Владимир Кочиш – 1 переклад
 Михайло Фейса – 1 переклад
 Марія Сакач – 1 переклад

Переклади странских авторох поставаю окреме популярни у виданьох од 1972. року. Присутни и даскелї роки хтори немаю ані єден текст у оригіналу писани по руски. Таку подію обачуєме у роках: 1972, 1973, 1975, 1977, 1980, 1982, 1986, 1987, 1989, 1991, 1992, 1993, 1994, 1995, 1996, 1997, 1999. и 2000. року.

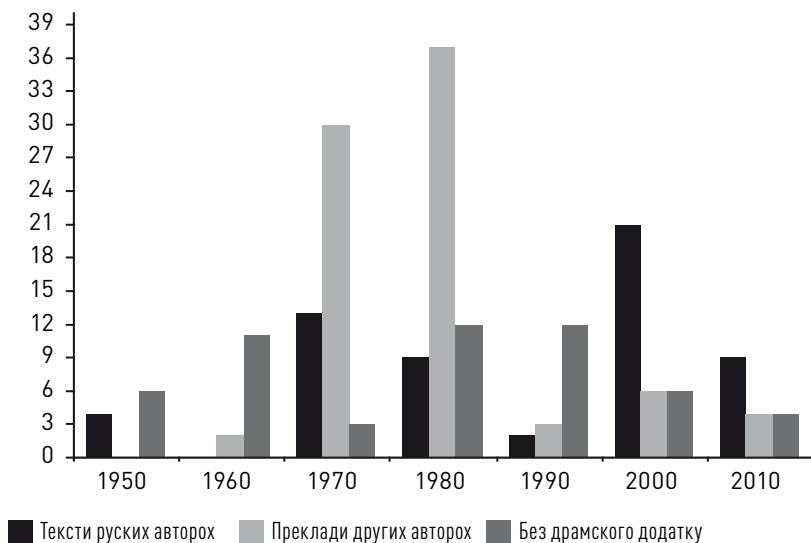
фреквентносц обявйованя перекладах у часопису Шветлосц

Може ше заключиц же у тих роках присутни тренд перекладаня, лебо голем його видаваня.

Тренд перекладаня ше закончує 2000-тих роках и тирва по нєшка. Окрем иснованя потреби очуваня драмского додатку котри постал порядна рубрика, перекладанє драмских текстох зоз драмских языкох спричиньовали ище два фактори:

1. Недостаточно стимуловани конкурси за оригінальні драмські тексти
2. Високі гонорари за перекладані драмських текстів

Переклади текстів (6 текстів од всього 40, а можебуць і більше) у головним робили напередок за представу хтора ще планує робити лебь є робина, та шички од тих текстів мали свою премієру і були виводзени по руски. Шички переклади од 2000. року по 2010. рок поробел Владимир Надь Ачим і тот факт зошицким досць гутори о перекладательстве у домену драмських текстів остатніх роках, односно, о неіснованю истого. Заклучуєме же од дзеведзешатих роках перекладах драмські тексти єст обачліво менш. Переклада ще по потреби лебь скоро нїяк. Переклади котри видати у драмским додатку, а окреме ще дума на переклади од дватисячитого року надалей, у головним провадза театралну сцену Руского народного театра і то постпремієрно. Часопис котри єдини періодични видавач драмських текстів би не шмел допуциць же би бул провадзаца часць, односно, повторювач театралних подійох.

Фреквентносць видаваня текстів по руски, перекладах і вообщє драмських додатків

2. ПРЕПАТРУНОК ДРАМСКИХ ДОДАТКОХ У ШВЕТЛОСЦИ У ПЕРИОДЗЕ ОД 1952. ПО 2010. РОК

1. Рок I януар-марец 1952 число 1 /
 2. Рок I април-юний 1952 число 2 /
 3. Рок I юлий-септембер 1952 число 3 Михал Ковач
«На швитаню» 186-222
 4. Рок I октобер-децембер 1952 число 4 Янко Сабадош
«Огень в ноци» (I д'я) 292-315
 5. Рок II януар-марец 1953 число 1 /
 6. Рок II април-юний 1953 число 2 /
 7. Рок II юлий-септембер 1953 число 3 /
 8. Рок II октобер-децембер 1953 число 4 Йовген Кочиш
«Вона невіновата» (I и II д'я) 279-303
 9. Рок III януар-марец 1954 число 1 Йовген Кочиш
«Вона невіновата» (III д'я) 45-64
 10. Рок III април-юний 1954 число 2 Михал Ковач «Ораче»
(I и II д'я) 105-127
 11. Рок III юлий-септембер 1954 число 3 Михал Ковач «Ораче»
(III и IV д'я) 167-190
 12. Рок III октобер-децембер 1954 число 4 /
-
13. Рок IV октобер 1966 число 1 /
 14. Рок V януар-марец 1967 число 1 Юрий Шереги «Гладни» (/) 37-43
 15. Рок V април-юний 1967 число 2 /
 16. Рок V юлий-септембер 1967 число 3 /
 17. Рок V октобер-децембер 1967 число 4 /
 18. Рок VI януар-марец 1968 число 1 /
 19. Рок VI април-юний 1968 число 2 Лев Синельников
«Добре слово» (Михал Ковач) 121-128

20. Рок VI юлій-серпень 1968 число 3 /
21. Рок VI октябрь-децьмбер 1968 число 4 /
22. Рок VII януар-марець 1969 число 1 /
23. Рок VII апріль-юній 1969 число 2 /
24. Рок VII юлій-серпень 1969 число 3 /
25. Рок VII октябрь-децьмбер 1969 число 4 /
26. Рок VIII януар-марець 1970 число 1 /
27. Рок VIII апріль-юній 1970 число 2 Михал Ковач «Нїгда ше не зна»
28. Рок VIII юлій-серпень 1970 число 3 Йосиф А. Фельбаба «Вовчица» (Микола Скубан) 1-54
29. Рок VIII октябрь-децьмбер 1970 число 4 Олексій Коломиєць «Фараонє» (Микола Скубан) 1-44
30. Рок IX януар-марець 1971 число 1 Михал Ковач «Шветла за цимм видокругом» 1-48
31. Рок IX апріль-юній 1971 число 2 Дюра Папгаргаї «Остац у себе» 1-48
32. Рок IX юлій-серпень 1971 число 3 Штефан Гудак «У шлєпей улїчки» 1-48
33. Рок IX октябрь-децьмбер 1971 число 4 Мирон Канюх «Концерт за пса и шмеце» 1-24
34. Рок X януар-марець 1972 число 1 Ерих Марія Ремарк «Остатня станїца» (Микола Скубан) 1-55
35. Рок X апріль-юній 1972 число 2 Николай Гоголь «Ревизор» (Микола Скубан) 1-64
36. Рок X юлій-серпень 1972 число 3 Иван Франко «Украдзене щєсце» (Дюра Латяк) 1-48
37. Рок X октябрь-децьмбер 1972 число 4 А. П. Чєхов «Спитованє» и «Мєдведз» (Иван Бєсерминї) 1-24
38. Рок XI януар-марець 1973 число 1 Бранислав Нушич «Ожалосцена фамелия» (Микола Скубан) 1-64
39. Рок XI апріль-юній 1973 число 2 /
40. Рок XI юлій-серпень 1973 число 3 Ян Солович «С.О.С. (страшно опасна ситуація) (Микола Скубан) 1-40

41. Рок XI октобер-децембер 1973 число 4 Кита Буачидзе
«Провинційна дзивка» (Евгений Чакан, стихи: Микола Скубан) 1-56
42. Рок XII януар-марец 1974 число 1 Д. Зорин
«Вичне жридло» (Дюра Латяк) 1-63
43. Рок XII април-юний 1974 число 2 А. П. Чехов
«Дядя Ваня» (Евгений Чакан) 1-39
44. Рок XII юлий-септембер 1974 число 3 Дюра Папгаргаї
«Вистата коніца» 1-36
45. Рок XII октобер-децембер 1974 число 4 Й. С. Попович
«Скупенда або Кир-яня» (Микола Скубан) 1-40
46. Рок XIII януар-марец 1975 число 1 Ференц Деак «Обед»
(Мирон Канюх) 1-40
47. Рок XIII април-юний 1975 число 2 Лев Толстой
«Ана Каренїна» (Микола Скубан) 1-55
48. Рок XIII юлий-септембер 1975 число 3 Микола Зарудни
«На седмим небе» (Микола Скубан) 1-47
49. Рок XIII октобер-децембер 1975 число 4 /
50. Рок XIV януар-марец 1976 число 1 Бранислав Нушич
«Народни посланїк» (Микола Скубан) 1-64
51. Рок XIV април-юний 1976 число 2 Штефан Гудак «Михал кухар» 1-31
52. Рок XIV юлий-септембер 1976 число 3 Н. В. Гоголь
«Женїдба» (Иван Бесерминї)
53. Рок XIV октобер-децембер 1976 число 4
«Зрегочали конї на дворе» (Владо Костелник)
54. Рок XV януар-февруар 1977 число 1 Антон Павлович Чехов
«Три шестри» (Агнета Бучко) 111-158
55. Рок XV марец-април 1977 число 2 Владо Костельник
«Шугаю, шугаю, пре тебе ме лау» 259-287
56. Рок XV май-юний 1977 число 3 Сергей Михалков
«Пена» (Микола Скубан) 377-415
57. Рок XV юлий-август 1977 число 4 Федерико Гарсия Лорка
«Дом Бернарди Алби» (Мирон Канюх) 511-543
58. Рок XV септембер-октобер 1977 число 5 Славомир Мрожек
«Емигранти» (Дюра Латяк) 659-703

59. Рок XV новембер-децембер 1977 число 6 Владо Костельник
«Ей пада, пада росичка» 795-828
60. Рок XVI януар-фебруар 1978 число 1 Мирослав Крлежа
«Панове Глембайово» (Микола Скубан) 95-175
61. Рок XVI марец-април 1978 число 2 Андрей Хинг «Страцени син»
(Мирон Канюх) 299-351
62. Рок XVI май-юний 1978 число 3 Дюла Гоби Фегер «Вишлїдзованє»
(Микола Сегеди) 464-494
63. Рок XVI юлий-август 1978 число 4 Александер Вампилов
«Розлука у юнию» (Евгений Чакан) 599-539
64. Рок XVI септембер-октобер 1978 число 5 Антон Павлович Чехов
«Вишнік» (Агнета Бучко) 763-799
65. Рок XVI новембер-децембер 1978 число 6 Милица Новкович
«Камень за под главу» (Мирон Канюх) 903-930
66. Рок XVII януар-фебруар 1979 число 1 Микола Кочиш
«Сватове» 101-119
67. Рок XVII марец-април 1979 число 2 Владо Костелник
«Поме до партизанох» 221-255
68. Рок XVII май-юний 1979 число 3 Ержи Завєски «Високи мур»
(Дюра Латяк) 349-383
69. Рок XVII юлий-август 1979 число 4 Михайло Ковач
«Житніково щесце» 495-526
70. Рок XVII септембер-октобер 1979 число 5 Бранислав Нушич
«Подозрива особа» (Микола Скубан) 609-655
71. Рок XVII новембер-децембер 1979 число 6 Мирон Канюх
«Вистнік» 754-780
72. Рок XVIII януар-фебруар 1980 число 1 Йован Стерия Попович
«Покондирена тиква» (Микола Скубан) 77-123
73. Рок XVIII марец-април 1980 число 2 Евгений М. Кочиш
«Хтошка виновати» 226-253
74. Рок XVIII май-юний 1980 число 3 /
75. Рок XVIII юлий-август 1980 число 4 Славомир Мрожек
«Скравец» (Дюра Латяк) 463-511

76. Рок XVIII септембер-октобер 1980 число 5 Александер Н. Островски «Буря» (Агнета Бучко) 611-655
77. Рок XVIII новембер-децембер 1980 число 6 Александер Вампилов «Старши син» (Евгений Чакан) 753-799
78. Рок XIX януар-февруар 1981 число 1 Йован Стерия Попович «Спреводзкоше» (Микола Скубан) 85-118
79. Рок XIX марец-април 1981 число 2 Горан Стефановски «Дзиве месо» (Наташа Канюх) 231-267
80. Рок XIX май-юний 1981 число 3 Мирослав Стрибер «Людзе тей жеми» 347-379
81. Рок XIX юлий-август 1981 число 4 Фадил Хаджич «Гребеньчок» (Евгений Чакан) 441-487
82. Рок XIX септембер-октобер 1981 число 5 Михаїл Салтиков-Щедрин «Панство Головльово» (Агнета Бучко) 571-615
83. Рок XIX новембер-децембер 1981 число 6 Бранислав Нушич «Панї министерка» (Микола Скубан) 685-756
84. Рок XX януар-февруар 1982 число 1 Дьорде Фишер «Ноц за Марию» (Наталия Канюх) 105-127
85. Рок XX марец-април 1982 число 2 Дьорде Лебович, Александер Обренович «Небесни одряд» (Микола Скубан) 211-279
86. Рок XX май-юний 1982 число 3 Молина Удовички «Жем» (Микола Сегеди) 347-379
87. Рок XX юлий-август 1982 число 4 Александер Н. Островски «Мудри чловек не мудруе» (Евгений Чакан) 427-487
88. Рок XX септембер-октобер 1982 число 5 Милош Николич «Светислав и Милева» (Мирон Канюх) 555-599
89. Рок XX новембер-децембер 1982 число 6 Станислав Стратиев «Автобус» (Микола Скубан) 676-728
90. Рок XXI януар-февруар 1983 число 1 Ян Їлек «Моя твердиня» (Мирон Канюх) 62-103
91. Рок XXI марец-април 1983 число 2 Душан Ковачевич «Балкански шпиюн» (Мирон Канюх) 177-227
92. Рок XXI май-юний 1983 число 3 Александер Н. Островски «Лес» (Агнета Бучко) 291-359

93. Рок ХХІ юлий-август 1983 число 4 Горан Стефановски
«Hi-fi» (Мирон Канюх) 439-467
94. Рок ХХІ септембер-октобер 1983 число 5 Иван Буковчан
«Шилька за двох» (Микола Скубан) 539-579
95. Рок ХХІ новембер-децембер 1983 число 6 Михал Ковач
«Грицово вояченє» 659-695
96. Рок ХХІІ януар-февруар 1984 число 1 Евгений Кочиш
«Я тебе - ти мнє» 121-151
97. Рок ХХІІ марец-април 1984 число 2 Йован Стерия Попович
«Зла жена» (Мария Горнякова) 241-271
98. Рок ХХІІ май-юний 1984 число 3 Коста Трифкович
«Виберна» (Дюра Латяк) 368-398
99. Рок ХХІІ юлий-август 1984 число 4 Евгений Кочиш «Каліка» 481-503
100. Рок ХХІІ септембер-октобер 1984 число 5 Владимир Гурбан
Владимиров «Шнігово наноси» (Дюра Латяк) 625-655
101. Рок ХХІІ новембер-децембер 1984 число 6 Тоне Партліч
«Мой оец социялистични кулак» (Микола Скубан) 740-788
102. Рок ХХІІІ януар-февруар 1985 число 1 Михал Ковач
«Ораче, ораче» 136-159
103. Рок ХХІІІ марец-април 1985 число 2 Дюра Папгаргаї
«Бабки зоз слами» 272-295
104. Рок ХХІІІ май-юний 1985 число 3 Бертолд Брехт
«Швейк у Другей шветовой войны» (Микола Скубан) 406-455
105. Рок ХХІІІ юлий-август 1985 число 4 Вилєм Шекспир
«Хамлет» I (Мария Сакач и Михайло Фейса) 575-615
106. Рок ХХІІІ септембер-октобер 1985 число 5 Вилєм Шекспир
«Хамлет» II (Мария Сакач и Михайло Фейса) 733-775
107. Рок ХХІІІ новембер-децембер 1985 число 6 Вилєм Шекспир
«Хамлет» III (Мария Сакач и Михайло Фейса) 903-948
108. Рок ХХІV януар-февруар 1986 число 1 Максим Горки
«На дну» (Дюра Латяк) 114-167
109. Рок ХХІV марец-април 1986 число 2 Бранислав Нушич
«Др» (Наталия Дудаш) 259-343
110. Рок ХХІV май-юний 1986 число 3 /

111. Рок XXIV юлий-август 1986 число 4 Андрей Нємлага
«Питюлик» (Мирон Канюх) 575-613
112. Рок XXIV септембер-октобер 1986 число 5 Карпенко-Карий
«Суєта» (Дюра Латяк) 735-791
113. Рок XXIV новембер-децембер 1986 число 6 Максим Горки
«Малогражданє» (Микола Скубан) 875-948
114. Рок XXV януар-фєбруар 1987 число 1 Александер Вампилов
«Лов на дзиви качки» (Евгений Чакан) 98-159
115. Рок XXV марец-април 1987 число 2 Любомир Симович
«Путуюци театр Шопалович» (Микола Скубан) 265-319
116. Рок XXV май-юний 1987 число 3 Александер Обренович
«Дзира» (Дюра Папгаргаї) 415-463
117. Рок XXV юлий-август 1987 число 4 Славомир Мрожек
«Танго» (Дюра Латяк) 550-607
118. Рок XXV септембер-октобер 1987 число 5 Йован Стерия Попович
«Родолубци» (Микола Скубан) 714-757
119. Рок XXV новембер-децембер 1987 число 6 Абдулаг Сидран
«Дзєцинска хорота: Оец на службєней драги»
(Наталия Дудаш) 863-916
120. Рок XXVI януар-фєбруар 1988 число 1 /
121. Рок XXVI марец-април 1988 число 2 /
122. Рок XXVI май-юний 1988 число 3 /
123. Рок XXVI юлий-август 1988 число 4 /
124. Рок XXVI септембер-октобер 1988 число 5 Стефан Гудак
«Букет ружох за панї Изабелу»; Дюра Папгаргаї «Наталка – дзивче
котре любело конї» 596-623
125. Рок XXVI новембер-децембер 1988 число 6 /
126. Рок XXVII януар-фєбруар 1989 число 1 /
127. Рок XXVII марец-април 1989 число 2 /
128. Рок XXVII май-юний 1989 число 3 /
129. Рок XXVII юлий-август 1989 число 4 /
130. Рок XXVII септембер-октобер 1989 число 5 /
131. Рок XXVII новембер-децембер 1989 число 6 /

132. Рок XXVIII януар-февруар 1990 число 1 Михайло Ковач
«Суд правди» 97-131
133. Рок XXVIII марец-април 1990 число 2 Мирон Канюх
«Велька птица» 254-280
134. Рок XXVIII май-юний 1990 число 3 /
135. Рок XXVIII юлий-август 1990 число 4 /
136. Рок XXVIII септембер-октобер 1990 число 5 /
137. Рок XXVIII новембер-децембер 1990 число 6 /
138. Рок XXIX януар-февруар 1991 число 1 /
139. Рок XXIX марец-април 1991 число 2 /
140. Рок XXIX май-юний 1991 число 3 /
141. Рок XXIX юлий-август 1991 число 4 /
142. Рок XXIX септембер-октобер 1991 число 5 /
143. Рок XXIX новембер-децембер 1991 число 6 /
144. Рок XXX януар-февруар 1992 число 1 /
145. Рок XXX марец-децембер 1992 число 2-6 /
146. Рок XXXI януар-юний 1993 число 1-2 /
147. Рок XXXI юлий-децембер 1993 число 2-2 НЄПРЕНАЙДЗЕНЕ
148. Рок XXXII януар-марец 1994 число 1 /
149. Рок XXXII април-юний 1994 число 2 /
150. Рок XXXII юлий-септембер 1994 число 3 НЄПРЕНАЙДЗЕНЕ
151. Рок XXXII октобер-децембер 1994 число 4 НЄПРЕНАЙДЗЕНЕ
152. Рок XXXIII януар-марец 1995 число 1 /
153. Рок XXXIII април-юний 1995 число 2 Миодраг Караджич
«Бизнисмен Трньо» (Наталия Канюх) 234-257
154. Рок XXXIII юлий-децембер 1995 число 3-4 /
155. Рок XXXIV януар-марец 1996 число 1 /
156. Рок XXXIV април-юний 1996 число 2 НЄПРЕНАЙДЗЕНЕ
157. Рок XXXIV юлий-септембер 1996 число 3 НЄПРЕНАЙДЗЕНЕ
158. Рок XXXIV октобер-децембер 1996 число 4 НЄПРЕНАЙДЗЕНЕ
159. Рок XXXV януар-юний 1997 число 1-2 /

160. Рок XXXV юлий-септембер 1997 число 3 /
161. Рок XXXV октобер-децембер 1997 число 4 /
162. Рок XXXVI януар-юний 1998 число 1-2 Андрей Амалрик
«Сказка о билим буяку» (Владимир Надь Ачим) 94-112
163. Рок XXXVI юлий-децембер 1998 число 2-2 Танкред Дорст
«Фернандо Крап ми написал тото писмо» (Мария Тот) 158-190
164. Рок XXXVII януар-децембер 1999 число 1-4 /
165. Рок XXXVIII януар-юний 2000 число 1-2 Една Мазия
«Бависка на заднім дворе» (Владимир Надь Ачим) 107-151
166. Рок XXXVIII юлий-децембер 2000 число 2-2 НЕПРЕНАЙДЗЕНЕ
167. Рок XXXIX януар-марец 2001 число 1 /
168. Рок XXXIX април-юний 2001 число 2 /
169. Рок XXXIX юлий-септембер 2001 число 3 Николай Коляда
«Паридя» (Владимир Надь Ачим) 326-360
170. Рок XXXIX октобер-децембер 2001 число 4 Ирина Гарди Ковачевич
«Брадавка» 448-462
171. Рок XL януар-юний 2002 число 1-2 Дюра Папгаргаї
«Масонка» (2 тексти) 129-159
172. Рок XL юлий-децембер 2002 число 2-2 НЕПРЕНАЙДЗЕНЕ
173. Рок XLI януар-марец 2003 число 1 Владимир Кочиш
«Крижалька» 127-143
174. Рок XLI април-юний 2003 число 2 Серафина Макаї «Феброн» 273-280
175. Рок XLI юлий-септембер 2003 число 3 драмски тексти зоз
конкурса (тематичне число)³
176. Рок XLI октобер-децембер 2003 число 4 Силвестер Дорокхази
«Перша любов» 523-549
177. Рок XLII януар-марец 2004 число 1 /
178. Рок XLII април-юний 2004 число 2 Дюра Папгаргаї
«Два карти за Єрусалим» 239-268

³ Драмски тексти зоз конкурса часописа «Шветлоц» и Руского народного театру «Дядя» за 2002. рок:

- Дюра Папгаргаї «Далеко гвизда Габура»
- Штефан Гудак «На вигнанцу»
- Владимир Кочиш «Косач и балерина»
- Ирина Гарди Ковачевич «Квартель»
- Серафина Макаї «Дзе тота Фема»

179. Рок XLII юлий-септембер 2004 число 3 /
180. Рок XLII октобер-децембер 2004 число 4 Звонимир Павлович «Инсекти» 497-522
181. Рок XLIII януар-марец 2005 число 1 Дюра Папгаргаї «Лапанє пилота» 85-114
182. Рок XLIII април-юний 2005 число 2 Андрей Курейчик «Илузия» (Владимир Надь Ачим) 219-251
183. Рок XLIII юлий-септембер 2005 число 3 Радое Доманович «Страдия» (Владимир Надь Ачим) 377-412
184. Рок XLIII октобер-децембер 2005 число 4 Дюра Папгаргаї «Илия Опозиция» 535-554
185. Рок XLIV януар-марец 2006 число 1 Євген Тищук «Слунко у першоx» (Владимир Кочиш) 101-123
186. Рок XLIV април-юний 2006 число 2 Ирина Гарди Ковачевич «Наша Ирин» 261-274
187. Рок XLIV юлий-септембер 2006 число 3 Михеон Хун-Кан «Я...» 369-406
188. Рок XLIV октобер-децембер 2006 число 4 Ирина Гарди Ковачевич «Левоново войны» 553-568
189. Рок XLV януар-марец 2007 число 1 Микола Шанта «Фонтана» 109-135
190. Рок XLV април-юний 2007 число 2 Звонимир Павлович «Забранєна репродукция» 275-299
191. Рок XLV юлий-септембер 2007 число 3 Михеон Хун-Кан «Научитель» 445-474
192. Рок XLV октобер-децембер 2007 число 4 Ирина Гарди Ковачевич «Милионерка» 579-592
193. Рок XLVI януар-марец 2008 число 1 драмски тексти зоз конкурса (тематичне число)⁴
194. Рок XLVI април-юний 2008 число 2 /

⁴ Драмски тексти зоз конкурса за драму за 2007. рок:

- Михеон Хун-Кан “Мудрило”
- Микола Шанта “Сон о Львовє”
- Дюра Папгаргаї “Теди кед Макаї ходзел гу Ирини”
- Штефан Гудак “Русалка”
- Михеон Хун-Кан “Творча фаза”

195. Рок XLVI юлий-септембер 2008 число 3 Михеон Хун-Кан
«Тайни курс гуманитарного сексу» 459-479
196. Рок XLVI октобер-децембер 2008 число 4 Алдо Николай
«Хамлет у пикантней мачанки» (Владимир Надь Ачим) 615-651
197. Рок XLVII януар-марец 2009 число 1 Юлиан Пап
«Ей бул то кедиш' красни час» 149-159
198. Рок XLVII април-юний 2009 число 2 /
199. Рок XLVII юлий-септембер 2009 число 3 Владимир Кочиш
«Ковертовани час» 455-479
200. Рок XLVII октобер-децембер 2009 число 4 Михеон Хун-Кан
«Мой живот з Месийом» 617-636
201. Рок XLVIII януар-марец 2010 число 1 Славица Шовш
«Муфра» и «Елегантне пополадне» 133-158
202. Рок XLVIII април-юний 2010 число 2 Ирина Гарди Ковачевич
«Перша змена» 277-287
203. Рок XLVIII юлий-септембер 2010 число 3 /
204. Рок XLVIII октобер-децембер 2010 число 4 Мария Сопка
«Жвератко» 571-580

3. МОТИВСКИ РЕПЕРТОАР ДРАМОХ ПО РУСКИ У ДРАМСКИМ ДОДАТКУ ЧАСОПИСА «ШВЕТЛОСЦ»

Михайло Ковач

О констатації же Ковач класични руски приповедач гуторя факти, але о факту же вон вироятно и єдини класични руски писатель драмох гутори час котри за нами. През його драми и зраженьох ґенераційох у ніх, достали зме велі інформації о вредносних мерадлох Руснацох у повойновим чаше, та медзи иншим и зраження ґенераційох, односно, одриванє младих од власних родичох, а кельо то значне, Тамаш добре констатує зоз виреченьом *тирваме тельо кельо паметаме власни корені*. (Тамаш, лит. 1/1997)

На швитаню

Тота драма ма задаток детерминовац чесноту, але и погубеносц руского народу. Питаня котри ше през драму поставяю у одношеньох то питаня розпуки (богати-худобни, стари- млади, необразовани-учени...). Зраження медзи подобами ше круца у тих кругох и як таки спричинюю драматични моменти. Индивидуализация не поробена до конца, подоби указани як типи, але їх поступки и думки досц моцно аргументовани. Тота драма у себе ноши вельо поуки, думки котри правдиви и останю ясни децениями познейше, а тот факт найбаржей гутори о еґзистенції єдного діла и народа. На язичним плане обачліва автентичносц у форми слова (оздаль, цошкаль...), але и на плане лексики (пипосар, брацкованє, ножинки...).

Ораче, ораче (два верзиї 1954. и 1985. року)

Тота драма вишла 1954. року у своїм першобутним виданю и 1985. року у вименєним виданю. На самим початку виданя зоз 1985. року стої надпомнуце автора: *Перша верзия друкована у Шветосци, число 2 и 3, 1954. року. Тот текст то друга верзия, з драматурґским обробком и дополнєнями*. (Шветлосц, лит. 10/1990)

Руснак и у драми *Ораче, ораче* критиковани як цихи, поцагнути и пасивни, та аж и кед ше сце зопрец лебо успроцивиц дакому лебо дачому углавним го одгваря жена лебо дахто други. Фолклорни мотиви и обичаї ше зявюю и досц су импресивни и у тей Ковачовой драми.

У драми описане зраженє двох типох людзох, статкарох и орачох и їх фамелийох. Гу концу, нещесце у котрим преробя людски, морални вредносни орентири, помири тоти два боки и вони буду жиц зложно. Паралелно зоз тим, провадзиме любовни збуваня даскеліх особох, але ше на концу акцент кладзе на Иринку котра одходзи гу човекови котрого не любі, але зоз хторим будзе мац цошка важнєйше, жем, лайтмотив цалей драми. На концу, жем постане мотивация шицким, и остац ту дзе ши, але и одац ше, зарекнуц ше на вимсценє... Зависносц човека од природи, часта Ковачова тема, ту зошицким ясна, але парадоскално, любов гу жеми ше зявює аж теди кед подобі уж двараз напуца *свою жем*.

Нїгда ше не зна

Комедия у двох дїюх од хторих ше єдна одвива дзешец роки скорей и представя причину збуваньох у другей дїї. Главни цек дїї ше руша знука познатого мотиву зоз драмох – дзелєне маєтку пред шмерцу. Дїдо, як ше дума на початку, пред шмерцу и його дальша родзина ше нараз створела коло нього, налашена на маєток, жем и хижу. Споза главного цека дїї, зявює ше баба, але минимално и необачлїво, єй велькосц ше укаже на концу. Децению познєйше дїда допатра млада малженска пара покля жена не риши же чеканя досц и одходзи. Муж то не могол поднесц и одбиваюци дїдово, ище вше оригинални и знаходлїви ришеня, одходзи за ню. Дїдо остава удружени зоз бабу котра зоз початку представя символ праведносци, але и, як дїдо прешвечує других, слуп хижі. Подоба дїда цікава, вон духовити, иронїчни, але реални, а баба котру себе бере за жену у позних рокох директна, оштра, але тиж реална. Пправе прето ше лєм з часци складам зоз Тамашову тезу же *без огляду кельо бул хасновити, умера осамени як палец, як пняк*. Кед би наисце було так, вец би главна подоба не мала мотивацию и потребу гледац и найсц себе дакого, одвитуяцого и у тих рокох.

Шветла з цим видокругом

Увертира нам указує младого, остреситого, але щирого лєгиня котри идзе з дому нагоршани на оца понїзного у їх заєднїцким слугованю у газди. Историйни момент котри автор описує помага драматизациї тей сцени кед син одходзи од газди, але и од оца. Дзешец роки познєйше є жедляр у суботарох, дзе ше залюбує до служнїци, а любоморна газдиня ю вируцує на улїцу. Знова ше приповедацки час селї до будучносци дзе дознаваме же главна подоба страцел дзивку пре богатого лєгиня, але и вон у власней розпуки поклека пред понукнуцом и бере бога-

ту дзивку котру не люби. Трагічни судьби подобох у тей драми скоро шицки, а каждая з ніх ноши свойо проклятво през живот. У часох релативного щесца, тоті проклятва виду на поверхносц и не даю им анї теди спокой. Достава ше упечаток же ше на концу свойого живота *змиря* лем гевти души котри були трагічни, але свою судьбу ношели у себе – свидомо, цихо, чесно, о чим гуторя и слова *бо знала любии, гоч не була любена*. Ковач ище раз дава феноменални виреченя у котрих скрити животни правди и котри гутори тиж цихо, ненадрілююцо, окреме кед през подоби гутори о власци, Руснацох...

Житніково щесце

Тота Ковачова комедия подобох кладзе обачліви акцент на препенку у вредносцох новей и старей генерациї. Стари байбер Житнік доброго шерца зоз вираженим сарксатичним гумором. До його байберні уходза сушед, дзеци зоз своїма проблемами, та и жена, а вон их шицких *почасци* зоз духовитима одвитами на їх жаданя и дилеми. Вон бистри, фришки на язiku, иронічни, але без огляду на иронию, вон швет видзи як позитивни простор дзе шицки чкоди и нещесца преходни, та його мудросц у релативизованю швета приходзи до першого плану. У самим розплету обачліве же други то не похопели, але вон себе и нам, читачом, одкрил вельку правду.

Грицово воячене

Комедия почина зоз скечом як ше паор Гриц Бандурик нашол у войску. Далей комедия провадзи поєдинца и його шмишни дожица, котри гоч наставаю у войны, маю гумору, а його язик и справоване окреме духовите. Гриц знаходліви, фришки на язiku и у думкох. На язичним плане гумор розконарени и богати. У самим наслове слово *воячене* – штучне (слово зменшаного значеня справ *войоване*) и автор го видумал же би зоз нім окреме наглашел Бандуриково незвичайне справоване у войны котра медзи неозбільносцу и незаинтересованосцу. Комедия провадзена зоз шпиваньом и усну лирику. Гриц постава шмели вояк, але тото шицко одбива (заслуги, роботу, воєну кариєру) и враца ше дому, жени, можебуц дзецом, але цо найбитнейше жеми дзе Ковачова вяза чловека зоз природу ище раз приходзи до вираженя.

Суд правди

Народни селянски живот ище баржей дефиновани з писнями, фолклором, обичаями, бо драма преткана зоз усну лирику, поезию и шпиваньом. Два нещешліви, невращени любви ше злучую, а легинє правя драматични заплєт. То драма норовох, та подоби типизовани, нет индивидуализації подобох. Сцени швидки, кратки, же би ше достало на драматичним набою. Конєц трагични, покус мелодраматични.

На концу драми обявене и писмо редакції як надпомнуце же прецо тота драма обявена дзе ше находзи интересантни податок же *тота драма першираз бавена 1938. лебо 1939. року* (Шветлосц, лит. 9/1990). Сам автор у його писме котри написал редакції пише же то други драмски фалат при нас, Руснацох зоз оригиналним змістом. Ковач тот текст трима за свой перши драмски текст, алє заж лєм перши його обявени драмски текст *Хто толвай* и друковани є 1931. року у Руским Календаре.

Дюра Папгаргаї

Остац у себе

Драма базирана на правдивей подоби и ма вельо елементи котри документую час у котрим ше тоти події збували, а то 1941. и 1942. рок. Гоч главни цек дії диктира подоба Дюри Киша, революционера и партизанского курира, акцент остава на збуваньох и подійох котри ше случели, а не на подобох и їх мотиваційох и на їх моралних вредносцох. Папгаргайово метафори и алузії на язичним планє у тей драми обачліви лєм у улоги Діда. Як Тамаш заключає то требала буц документарна историйна драма и з оглядом на тоту Папгаргаї не могол найсц простору за универзални значеня, бо формованя геройскей подоби не характеристичне за нього. У *чалосци Остац у себе вецей акційни аспект, як психологийни и морални, животней драми и шмерци Дюри Киша*, заключає на концу Тамаш. (Тамаш, лит 1/1997)

Вистата конїца

Старша малженска пара чека сина и фамелию и водзи свой узвичаєни, каждодньови диялог полни зоз преруцованями и упрекосцанями. Драмска дія єдноставна, сцена узвичаєна и шицко випатра як гоч хтори дом зоз тима подобами и у тим чаше рока. Праве тоту покус носталгична атмосфера вивола шок накадзи ше откриє же тоту цю постава смисел

иснованя тих подобох – видумка. Цала їх бешеда, обчекованє, пририхтованє представя їх бависко, же би голєм у мрії осетели смисел претходного живота. Драма ше находзи у подобох, зраженє и розпука праве у подобох чий животни хвильки провадзиме. Конєчно прилапйоване судьби же дзеци не приду и ані их нет представя момент кед то єдно другому припознаю. Медзитим, дідо пробує наставиц бависко и сон, але баба тота хтора тей драми дава закончуюце поентиране зоз словами: *Вистала наша коніца, Емиле*. Дальши живот тих подобох будзе препущени нагадованю. Тотa драма одлични приклад же Чехововски стил од єдноставних, каждодньових подійох направиц звершуюци, катарзични моменти у живоце, исную и у рускей драми.

Бабки зоз слами

То ище єден Папгаргайов одход звонка реального простору и подійох. Тотa драма змесцена на шмециско людских одруткох у материялним смислу, але и духовним, бо ше ту найду найнізши пасма чловечества кед у питаню еґзистенция. Даскелі особи спашени, але даєдним ніяки иншаки живот уж не може буц виход, бо вони не часц того систему. Поїсц крочай долу вше мож, але ше дзвигнуц зоз блата власней еґзистенциї - чежко. Тоти оставаю заглобени у власней биди и худобстве и уж не чувствую же пришол конєц чи шицко остало исте, але док маю зоз ким подзеліц тоту биду, им добре. Як автор гвари: *Не хйба, пайташ, важне же зме знова вєдно*.

Два карти за Єрусалим

Пара у процесу розиходзєня предава стан и гледаю свой мир, кажде свой окремени. Їх одношенє уж препознатліве за стил Папгаргая. То особи котри ше познаю барз добре, а мож их формуловац як пару котра ше мержи, але и любї источасно. У їх одношеню язык гумористични, диялог швидки, легки. Як перши потенциални купец же зявює Ерне, любезни, воспитани, учени, але загадкова подоба. До конца комедії може ше розтолковац як реализация дябла, злого духа котри умишал пальци вшадзи, вон шицко и шицки. На язичним планє язык препознатліви у домену метафорох и поровнаньох. Автор твор декларує як *кратки, легки фалат* цо и є, патраци зоз перспективи його других драмских ділох.

Лапанє пилота

Як уж препознатліві Папгаргайов стил у тей драми стретаме швидки, директни диялог полни зоз поровнянями и метафорами котри характеристични праве за його драми, а ище баржей комедії. На станіци ше находза жена и хлоп, вона му ше наруцує, диялог чече у напярме розвиваня причини их пасивносци.

Простор дзе ше вони стретаю гайзибанска станіца и на тим просторе Папгаргаї формує паралелни мотив о виходу зоз коляї, але тот гайзибан котри понука виход дакеди ані не стане, дакеди сцекне, дакеди ше до нього не сцигне лебо не сце войсц... Интересантна микротеза о чловековим гледаню перспективи. Нагадує ше идентитет главней особи по сам конєц. То фантастична идея о подоби котра исновала лебо можебуц и не, а розвила ше зоз історийней події зоз ближшей прешлосци тей жеми, бомбардованя 1999. року. Теди звалени авион на обще несподзіванє народа, та тот авион преволани як *невидлїви*. Медзитим, о пилотови того авиона ше барз мало бешедовало и його подоба остала мистерия за шицких. Тота драма понука ришенє за ню. Не мож не поставиц питанє кельо тот текст ясни звонка предзнаньох о тей історийней події...

Теди кед Макаї ходзел гу Ирини

Главна подоба драми ***Теди кед Макаї ходзел гу Ирини*** достава нагоду же би ше указала медзи политичнима діячами. Макаї необразовани, невоспитани и несамопоуздани человек котри пороби шицко же би достал голєм и фалшиве почитованє у гледаню витворйованя себе. Подоби котри у його окруженю исти таки, прето ше и вони сцу *очухац* о нього. Власна галавосц за моцу и власцу приведзе шицких по тотални фияско. Политични обставини котри паную у терашнім чаше приведзени по абсурд, гумор розбавени, ангажовани при каждой особи. Лексика у Папгаргайових ділох вше жива и богата, та так и teraz. Оставаю лєм неясни алузії на подоби зоз реального живота автора, але и так приповедка досц похоплїва пре подоби котри акцентовани у рамикох характеру.

Далєко гвизда Габура

У драми ***Далєко гвизда Габура*** питанє дома, але и щесца и мира у власним доме, односно прапитанє руского *страченого раю*, отворене у подполносци. Ясно обачлїве як каждая подоба у одношеню на пол, роки и професию доживює своєю щесце и яка постава кед потребне бориц ше за нього, окреме кед ше воно находзи на крочай од ней и загрожене

є. Подоби формовани комплетно, идея ясна по сам кенец, та и на концу.

Розплет открива *главна* особа котра тот их *вибрани рай* обдумала и вибудовала як крематориум, иронічно наволани – модерни вични мир.

Мирон Канюх (Михеон Хун Кан)

Концерт за пса и шмеце

Автор ясно дефинує драму, але и сами подоби такой на початку діла зоз чим оলেখчусь дальше читанє, але и цікави читача. Толкованя же драма *чисто невірятьни смуток у двоох чинох* цікава и духовита. У першей дії Мики жада створиц кариєру, вон учи, ма идеали, Цопи анархиста, сце шицко зваліц, зніщиц, Стари нема терашньоєц, будучноєц за нього не постої... У другей дії шицки идеали обрацени наспак. Мики не може найсц роботу нема смисел иснованя, Стари шніє о хижи и жени, Цопи ше оженєл... Медзитим, їх идеали апсурднейши як и по теди. Єдино Мики того свидоми, але зоз комплексом висшей вредноєци ше ґу нім обраца зоз словами: *Озда нет ніхто на тим шмеце котри вери до дачого за цо го ше не плаци*. Зоз тим потвердзує вельку правду о релативноєци чловекового иснованя. Заправо цале питанє еґзистираня ше на концу зведзе на случайноєц, та и нашо приходзене на швет. Без моци и жаданя вериц до дачого глібшого, вон прилапує у живоєце буц пес, брехац, грисц, думаючи же на тот способ вибера линию меньшого отпору, медзитим, укаже ше такой же ані буц пес не так лєгко...

Вистнік

Події не у реалним чаше, просторе, а подоби тиж не припадаю тому швету. Драма випитує питання чловека у одношеню на час и на його прешлоєц, односно, терашньоєц. Тота драма траци вязу зоз одредніцами файти и рода драми и постава филозофска розправа. Интересантни микроелементи котри витаргнути зоз цалосци, поведзме, кед людзе немаю ніч вони з нього видумаю цали нови швет, коло нічого ше повадза, буквально. З другого боку, кед маю живого чловека, у станю су го не обацовац, игноровац...

Тота драма, по моїм думаню, заправо филозофска алеґория зоз окреме вицагнутими діялогами и монологами. Складам ше зоз Тамашом *чежко повесц кельо Вистнік сценічни и яки його драмски можлївосци* (Тамаш, лит. 1/1997). Поставиц таки текст на сцену провадзаци

лєм діялоги, без приповедацкей часци, а буц ясни у идеї о зложених питаньох егзистенції, було би досц чежко.

Велька птица

Велька птица прави приклад модерней драми котра не сцека од критикованя швета, од випитованя власних моралних становискох и констатації же мерадла порушани по тоту фазу же су банализовани. На микроплане обачую ше елементи Домановичовей сатири. Описани час не реални, подоби типизирани, а комедия представя сатиричне спатране аномалийох и девияцийох у дружтве. Текст написани 1972. року и теди бул предмет випитованя Союзу комунистох прето же не бул у складзе зоз системом. Обачліви були и алузії на реалних подоби зоз дружтвеной структури Руснацох того часу, а иронічна алегория *Велька птица* праве и описовала тоти події у дружтве. Гумор ясни, директни, а язык у тей сатири окреме богати и розбавени. Фалат ма шицки елементи котри заслужую же би ше констатовало же тот драма, ведно зоз драму *Концерт за пса и шмеце* представяю початок модерней драми при Руснацох.

Мудрило

Драма ***Мудрило*** покус здабе на народну приповедку по стилу писаня и по язичней системи

котра хаснована у ней. Приповедни цек здабе на сказку лебо легенду, син єдинец, хлоп, одходзи до швета, опрез нього ше поставяю рижни ситуації и подоби зоз котрих вон виходзи як наймудрейши. Шицки подоби национално офарбени до Руснацох и шицки су негативно дефинисани як глуми, невоспитани и непорихтани за живот, окрем главней подоби за котру цале дзєцинство и час младосци думали же є *не у шоре*. Главни юнак – герой котри спашава народ зоз свою мудросцу тот исти котри ше цали час сам учел, школовал. Иронічни приступ толкованя стану у дружтве и народзе. Розплет покус штучни и дава упечаток порушаносци знука структури.

Єдно зоз ридких толкованьох у котрим ше Руснаци и наша заєдніца у будучносци находза у позитивним, щешлівим окруженю котри универзални за шицких. Часто хасноване поняце Гуман швета и Гуманого человека за Михеон Хун Кана представя утопийску идею о будучносци Руснацох котри у тим окруженю и зоз тима «улогами» находза ванчасово и вантілесне щєсце.

Творча фаза

Главна подоба драми **Творча фаза** под прициском интелектуалней енергии и набою и нема простору за сполньованє сексуалних потребох власней жени прето же є у тей фази не схопни за сексуални одношеня. Тота Фройдовска теза о замени сексуалней енергии за интелектуалну моц лєм увод до научно-фантастичней приповедки о науковцу на драги гу його професийним и духовним верху. Заплет ше одвива спрам фантастичних законох Гуман Геа формациї о котрей Хун Кан пише у остатні час. У тей формациї ше каждому членови одредзує найвекши талант и вон ше усовершує по префекцию. Значносц Руснака (главней подоби) у швецє як члена єдней такей формациї нательо велька же вон у главней улоги спашованя председателя держави Сербии, прето же и сам председатель член Геа формациї.

Научитель

Тот драмски фалат ище єдна зоз приповедкох о дожицох самого автора, його автобиография. Тота драма бешедує аж и о истих подїях як и монодрама *Мой живот зоз Месийом*, але тераз тоти подїї спатраме зоз другого угла и зоз тоту розлику же у тей драми приповедачки час стаємни, терашні. Шицки подїї котри описани у спомнутей монодрами, описани и ту, але детальнейше, прецизирани актере, цилї, а приповедка ше и наставя.

Поставя ше питанє же дзе тота драма престава буц автобиографска, а дзе почина фантазия, бо ю ше не може декларисац ані на єден способ. Драмски елементи ше зявюю знука самей автобиографскей приповедки, а идея и циль драмского діла поставяю авторов нукашні циль и идея. Чувствує ше одредзени еґоизем у поглядзе тих представох.

Штефан Гудак

У шлєпей улїчки

Тамаш драму ***У шлєпей улїчки*** змесцує до шейсцох модерних драмаох у историї рускей литератури. И тота драма, як и други зоз префиксом модерна, спатраю швет зоз иншакей, модерней визиї, народносц ше охабя у рамикох драми зоз валалского живота. Приповедна часц будована у двох шорох. Перши елемент то любовна вяза главних подобох и їх драматични моменти, а други елемент тей драми представя криминалну, шпиюнску приповедку зоз часу у хторим приповедка змесцена. Перши елемент драми удатнєйши пре формованє подоби и окремни психологийни стани и розпуки, а други елемент пре тензию и напартосц, пре розбавеносц драмского діла и потенциалней драмскей дії. Мож повесц же перша часц ма глібину, а друга ефектносц цо ведно дава добре обдумане драмске діло. З удатним складаньом єдного и другого шора, Гудак оформел добре драмске діло. Муши ше, заж лєм, обачиц же формованє любовней приповедки и знука нєй крими приповедки – добре ришенє и гоч и дія и подоби єднак добре обдумани и написани, зоз тим, тото діло постава правдива психологийна драма.

Михал Кухар

Драма ***Михал Кухар*** змесцена до повойнового часу Югославиї и комунистичней системи дзе паную окремни законїтосци и морални вредносци. Видзиме сплет мотивацийох комунистичней системи, мотивациї борби за любов, власних комплексох, чувства нїзжих вредносцох, але и мотиви самодовирія, принципох и вредносних орентирох. Шицко то мощни мотиви за дїйствованє, медзитим, мощни и здрави характер и власне думанє нє могли прежиц у одношеню на таки порушани мерадла вредносци гевтого дружтва. Як гвари Тамаш *За партию, Кухар ше справовал анархистично* и тото спричинєло його шмерц.

Русалка

Русалка пред одходом до Утопиї ма доказац же нє согришела ані єден од седем смертельних грихох. Вона твердзи же є цошка окремне, але ю убедзую же є цошка подполно инше, єй хлоп ше скрива под єй сукню, вона оштра, бридка, категорична... Остава отворене питанє же чи автор сцел тоти характеристики приписац жени, Рускині. Вироятно же гей, бо прикмета националносци у тим ділу досц мощна. Ясне же Руснаци

на концу драми покарани же су не свой на своїм, а їх кара щезоване. У тим Гудаковим толкованю нашого друштва Руснак цихи, неодредзени, бояжліви, вично запитани о себе. Но, окрем того глібшого одредзенья тих и других подобох нет. Стеван Константинович, председатель жيريا котру оценьовал тексти зоз конкурса, та и тот, оценьл: *Егзистенция уступела место есенції, хтора ту достала митску форму, хтора незвичайна у потерашней як исторії рускей драми, так и вкупней драмскей литератури. Кельо тот драмски текст цикави пре факт же у нїм нет експлицитней характеристизації подобох, тельо мож повесц же то и хиба того тексту.* (Шветлосц, лит. 11/2008)

На вигнанцу

На самим початку драми ***На вигнанцу*** даскелї случайни сцени откриваю приповедку и охабяю читачови простору за кус мистерії, нагадованя, драми у секундарним смислу. Одгадую ше характерни риси подобох у ситуацийох. Єдна зоз ридких драмох котра ше збува у тим столїтию, а не змесцена є на тей території, у тих валалох, та аж ані подоби драми виключно не Руснаци. Гудак открил руску драму и звонка руского контексту. Драма ше находзи у одношеньох, зражене у власних розпукох людзох котри пошли зоз свойого обисца и гледаю свой мир.

Букет ружох за панї Изабелу (радио-драма)

Поняце дома и власней завартосци до нього лебо до себе котра нам дава сигурносц и мир барз моцни мотив у драми ***Букет ружох за панї Изабелу***. Питанє остава исте, неважно чи го поставя птица кед роздуме о клітки и шлебодним леценю, чи человек и його дом и самота. Єден дробни гест подполно обраци животи даскелїх подобох драми. Етапи драматургії представени класично, ясно. Тота драма представник радио-драми при Руснацох и єй прави приклад.

Тот текст значни за нашу литературу насампредз пре його форму. Така форма незвичайна за нашу литературни творчосц. Радио-драма свой початок дожила осемдзешатих рокох, а мож повесц же неодлуга дожила и свой конєц. Релативно кратки бул животни вик писаня радио-драмох при Руснацох, та тота драма и Папгаргайова *Наталка – дзивче хторе любело конї* (опатри число 124) єдни зоз ридких котри написани, та и обявени. Можліви одвит на питанє же цо тому причина дала Наталия Дудаш у своєї статї о радио-драми: *Проблем недостатку режисерского кадра, а вшелїяк проблем радио драми по руски, то єй рецепция и (не)одгуки у форми критичних текстох и приказох, а цо проблем вообщє радио-драми по руски.* (Шветлосц, лит. 8/1988)

Владо Костелник

Шугаю, шугаю, пре тебе ме лаю

Драма ***Шугаю, шугаю, пре тебе ме лаю*** бешедує о одбрани на Горніці под час повстаньох процив Чакия, Другета... Тото цо окреме интересантне за драму зоз того періоду же є досц сценічна, аж мож повесц досц захтевна и амбициозна у поглядзе реалізації драмскей дії сценох борбох, зраженя... Заплєт ше одвива кед лапя Другетового сина, котри найвекши гнобитель Горніці. Праве у тей акції, у моцним зраженю зоз неприятельом, траца главного ватящка (прип. авт. термин котри означає главного у єдним таборе, але и векшим войску) и доставаю нового, Шугая. Треца дія ше наставя у дворе кед подоби през свой диялог толкую цек історії того періоду, прето ше достава упечаток штучного, наглого диялогу.

Идея указац *же героє нашо лєгине*, як и сам мотив геройства не части у рускей літератури, але ше зявюю у Костелникових драмох. Зраженє на момент потполно застанови матрйошка цо покус абсурдне, але и интересантне як приклад же матриархат присутни прето же Шугай випочитує єй жаданє. Тота драма значна пре войново зраженя котри описує и як така є єдина.

Ей пада, пада росичка

Драма ***Ей пада, пада росичка*** описує початок и змоцньованє комунистичного, але и усташского и фашистичного руху на тих просторох початком штерацетих рокох двацетого вику. През подоби, їх диялоги и монологи, Костелник, як и у веліх других драмох, схопно уруцує інформації о початку Другей шветовой войны, але и обставиных у жеми. Медзитим, у єдней хвильки ше тото інформованє читателя наглашує до мири у котрей приповедацки цек постава баржей едукативни як драматургіини. Костелник знова досц амбициозни у ришованю драмскей дії, та ше поставя питанє кельо тота драма сценічна. Индивидуалізація окончена у рамикох орієнтації самих подобох, точнейше, з ким ши – таки ши, та так лєгко читліва и подоба зрадніка, слуги окупаторского помощніка. Руснака ту видзиме и як захищеного и повласченого покля є послухни власци, але и як борбеного, революционерного, шмелого войсц до зраженя кед же є потлачени и поніжени.

Поме до партизанох

Сценске здогадованє на народноошлєбодительну борбу як сам автор навоує тоту драму зошицким пристава форми, а Тамаш точно додава зоз тим прецизно и осторожно дефинує их природу, поставяюци чежиско на функцию просветительского и родолюбивого пригадованя и опомнуца. (Тамаш, лит. 1/1997) Автор пробує направиц паралелу медзи усташами и партизанами цо основни мотив зраженя у приказу, але обачлїво и наруцуюцо ше велїча партизански бок. Индивидуализация особох не приказана, а у диялогах ше штучно толкує читачом їх прешлосц и терашнє положенє, цо очкодує диялошки цек, а ище баржей монологи. Розплет ше одвива у напярме глорификації партизанского руху. Тамаш добре констатує: *Драми Влада Костелника припадаю театру прешлосци. (Тамаш, лит. 1/1997)*

Владимир Кочиш

Косач и балерина

Косач и балерина приповедка о парастови, живоце у полю зоз косу, приповедка о чесним, але чежким живоце котри, без огляду на свойо веренє до исправного способа живота, на самим концу будзе положени пред питанє свевишніх судийох. Прецо ше человек котри жада буц чесни муши одрекнуц шицких уживаньох, прецо у гартушеню себе и своїх спокусох чесни человек дакус не подума и на других и на їх дожице щесца... Поставяю ше питаня котри подполно меняю дожице и роздумованя о чесним, безгришним живоце. Параст котри жиє мирни, цихи живот, вично потлачени од других и ту не находзи на порозуменє пре свойо идеали. Поставя ше питанє же чи наисце треба же би на младших остало же би предлужели традицию и кед так, чи то вони годни и чи буду сцец.

Ковертовани час

Индивидуализация подобох не поробена, вона лєм дата у нарисох главних характеристикох, та так добивае типи подобох, а не подоби. Драма ситуациї у дружтве, зоз огляднуцами на капиталистични час дзе подоби лєм карички у велькей корпорациї. Указує початок препаданя фирмох и пасивне справованє роботнікох гу таким обставином. Вони незаинтересовани за подїї котри ше случую, лєм находза краткотирваци ришеня за невидгудну ситуацию. Зоз єдну подобу котра баржей мотив

ше указує же таки одношеня гу препасци фирми, держави, себе, маю лєм жителе тих просторох. Сам автор на початку точно толкує свойо подобі: *Шицки вони були, тераз су и буду ношителе терхи стабилизациї*. Час укаже же ше стабилизация нігда ані не трафела.

Крижалька

Глобално патраци, драма ***Крижалька*** нема шицки драматургійни елементи, заплет не ясни, а розплет ище меней. У идеї и цилю драмского діла досц є неодредзена, а тема остала зарабрована медзи мотивами котри не доробени. Зявює ше мотив крижальки, животних питаньох – загадках, сексуални инстинкт, егзистенция, невиходносц ситуяції, але шицко лєм у нарисох. На плане языка, откриваю ше нови слова и їх значенє и секундарни значеня.

Звонимир Павлович

Забранєна репродукция

У драми ***Забранєна репродукция*** такой обачліве же вона понука можлівосц за векши експерименти у виводзеню и пририхтованю драми за сцену. Бависко двойніка и оригинала тема котра цали час недоповедзена у тексту, точнейше, у тексту є ясна, але охабя досц простору за розбавйованє тих подобох. Приповедка провадзи человека, уметніка (голєм то вон о себе дума) и його препитованя о власним єству, о прешлосци, терашньосци, о реалней слики котру себе представляме и о гетим о глібоко у нас. Уметнік ше цали час бори зоз своїма амбициями и жаданями и випитує себе през спокуси котри му драга гу витвореню амбицийох дава. Подписац контракт зоз дяблом пре вичну славу и успех? Лебо ше зопрец спокусом и жиц зоз реалнима посцигнуцами и животом? За вибор котри векшина трима за морално и социялно одвичательни иснує кара, а яка кара за таки живот, автор дава одвит на самим концу...

Инсекти

Драма ***Инсекти*** понука нове видзенє нацистичного лаґру котри за двоїх официрох постава свойофайтови експеримент у котрим вони тих людзох випитую, препатраю и пробую зоз ніх направиц нови єства, ви-креировац *лєпшу* природу. Метафора у котрей ше людзе тримаю як ин-

секти досц моцна и указує доминацию официрох над подобами котри заварти у клітки. Тиж, їх інстинкти приведзени до тих, примарних, та им глад, страх и сексуална жажда виражена и добре провадзи подоби и їх поступки у цеку приповедки. Кажди инсект ма свою судьбу у одношеню на тото яки є... Приповедацки стил обачліви у дидаскалийох и досц є моцни и упечатліви, прето читач достава филмску слику драми котра ягда уж поставена. У обидвох драмох ше зявює мотив мотиля як чоґошик цо красне и невірятьне, а краткотирваце. Мотив як таки ліхи и раніви, але ше за свойо место и свой час на тим швецє зна длуго и чежко бориц.

Микола Шанта

Сон о Львовє

Мотив очуваня рускей култури и обичайох хторе гашнє у 21. вику постава косцанік драми **Сон о Львовє** през справованя, одлуки и слова подобох зоз драми. Попри того главного мотива присутни и проблематики мишаного малженства, генераційней розлики залюбеней пари, спокуси *велького городу*, нещирих малженских одношеньох... Драматуршки елементи поставени класично. Вичне щесце пренаходза два особи, але у мєно других и себе. Щесце там дзе дом, а дом там откадз зме. Можеме буц щешліви кед другим губиме щесце? И чи нашо щесце и шлєбода наисце почина там дзе ше закончує цудзе щесце и шлєбода? До того завартого круга лапени подоби зоз драми.

Фонтана

Интересантни крочай далєй од класичней драми того автора. Цо ше збува зоз човеком котри достанє власц и як то уплївує на людзох коло нього – то питаня чий одвит ше гледа. Вон ше находзи у сценах совитованя Велького Пана кед Совитнік як *глас розума* лебо як сам автор гвари *толковач смисла* толкує вельки животни правди о моци, власци, положеня жени у живоце хлопа, швету илузийох, щесцу... На перши погляд сцени роздвоєни и окреме обрабяю каждую зоз тих тезох. Интересантни мотив фонтана, нешка є окреме актуални. Зоз славини вицека цошка цо, по думаню власци, добре за народ, а народ бойкотує фонтану и славину думуюци же им вона одбера воду. Народ без *води* остава гладни, смиядни, брудни, витрапени... Вода зоз славини, фонтани, символ ду-

ховней поживи, менталного здравя, а то окреме ясне и виреченю: *Даремни нам швижи воздух кед не маме води. Даремни нам фестивали кед не маме води.* Круг председательох котри препадню пре власни ремек-діла ше наставя зоз лایتмотивом писні Ирини Гарди Ковачевич Будзе, будзе.

Ирина Гарди Ковачевич

Квартель

През **Квартель**, але и обиходжене квартеля на предай у тей драми, од предметох и стварох у нїм доставаме приповедку о єдним чаше, способе живота, одношеньох... Красни увод до приповедки котра свойо драматуршки елементи достава кус познейше. Идеали младих людзох и їх надія ше народзую, розвиваю, доставаю свой верх и пукаю на дробни фалатки през цали фалат. Паралелно зоз тим провадзиме судьби людзох на котрих печат тих просторох. Непохоплїви трагедії того регіону доставаю свой абсурд кед ше откриє же як скончили діяче тих подїюх. Конєц реални за обставини у тим чаше и на тим месце, без потреби за украшованьом, сурове, реалистичне. Обачлїва етнічна подзелєноєц у толкованю подобох и їх справованю и поступкох.

Брадавка

Драма **Брадавка** на початку писана як огляднує на руски язык и його ґраматични и лингвистични характеристики або дилеми. Од тей необещуюцей увертири, драма шири свой спектер питаньох на проблеми мишаних малженствох, народносцох, норовох... Першираз ше єден автор недвосмилово неґативно виражує о положєню коґошик хто *неруснак* у малженстве зоз партнером Руснаком (*Виходзи же ви меншини маце вецей права як ми чия держава...*). Медзитим, укаже ше же и други бок ма аргументовани проблеми у тим суживоце. Поставя ше питанє обичайох, звичайох Сербох и Руснацох (шпоровноєц – розкош) и през диялог двоїх супружнікох дознаваме їх живот, навики, вязу... Интересантни нарис оца Руснака и його справованя гу дзецом: зоз дзивку не бешедує вельо, синовии ше ніч не миша до роботи, поцагнути є, помирлїви..

Янко Сабadoш

Огень в ноци

На перше читанє обачлїви детальни и длугоки описи у дидакалийох, але з оглядом на искуствїє у драмскей дїялносци, односно не исноване истого, то зошицким розумлїве. Як Тамаш гутори Сабadoш бул винїмковї теоретичар и критичар литератури и драми, та права чкода же зме пре павзу у обявйованю часописа «Шветлосц», котра ушлїдзела, остави ускрачени за його твори тих рокох. Увертира цикава и загадкава. Медзитим, до конца, анї єдна започата приповедна ситуація не докончена (санаториум, слуга, хорота дзивки, Данил, слуга Макрена, мацер, Иля и суд...) Шицко то лєм микротези єдней драми котри требало розробити. Як замена за розплет, уручує ше война и бомбардованє Београду и шицки проблеми, дилеми, надїї у тей хвильки застановени. Кед би то була идея дїла *Огень в ноци* то би бул и добри конєц, але ше здобува упечаток же заш лєм не так.

Евгений М. Кочиш

Вона не виновата

Драма *Вона не виновата* провадзи живот главней подоби Пахомея. Як Юлиан Тамаш у *Исторії рускей литератури* наводзи: *То социялна драма яку пестує векшина руских писательох старшей и стредней генерації, з тоту розлику же Кочиш до рамикох збуваня коло забойства валалского богача Янка Волоса уключує и, зоз його приповедкох и романох познату, схему о вирастаню худобного селянского хлапца до роботнїка революционера, хтори жиє за ствар ошлєбодзенья роботнїцкей класи од експлоатації.* (Тамаш, лит. 1/1997) Медзитим основни цек збуваня ше трафи у його одсутстве кед Пахомейов газда несправедно оптужел його оца за забойство коньох. Понеже його оцєц нема пенєжи же би го виплацел, газда вижадує же би ше його дзивка подала йому. У хвильки кед ше вон забудзе и нападне дзивку зявує ше Пахомейова мац котра забива газду. Вона осуджена за дїло котре поробела, але понеже краль мал преславу юбилея рок после єй загарештованя вона постава шлєбодна. Медзитим, чи є наисце шлєбодна, понеже є ошлєбодзена пре случайносц, остава питанє? На планє языка диялоги досц упечатлїви, реалистични приступ змоцнює сцени и дава им окремну напартосц.

Микола Кочиш

Сватове

Тота драма адаптована спрам приповедки Дюри Варги. Драматизация досц интересантна, окреме на яки способ рижени сцени зоз войни, котри ше збули вельо скорей, та уводженє *спикера* найлегчейше риженє. Двоме пайташе, два фамелиї и двойо за винчанє, унапрямени єдни на других, алє ше зявюю проблеми. Пайташе ше давно порадезели же ше породзинаю преїг дзецох, алє кед пришло по тот момент пременка у статусу пременєла и пораду. Заплєт кулминує зоз битку, а закончує ше покус штучно и щешліво за шицких.

Тот текст представя першу драматизацию приповедки котра обявена и єдну зоз ридких. Драматизации у рускей литератури скоро вообщє анї нє було, окрем индивидуалних пробованя котри нє обявени и Ковачовой драми *Грицово вояченє* дзе ше зявює подоба Гриц Бандурик котри знікол зоз роману по истим меном коауторох Штефана Гудака и Михала Ковача.

Мирослав Стрибер

Людзе тей жемі

Индивидуализация и розоткриванє подобох удатне. Диялог розбавени, а формованє приповедки чече без драмскей дії, през дїялог, ангажовани, алє нє унапрямени на драмску дію. Приповедацки час подзелєни до трох часцох, односно трох часох. Перша часц ше дотика самей войны, друга ше одвива 20 роки познєйше, а треца аж 30 роки после першей. У першей дії видзимє суцносц проблема, упознаваме нориви подобох. Друга дїя спатра пошлїдки претходних становискох поєдинцох и розиходзєня у думаньох медзи членми фамелиї. Непорозумєня медзи генерацїями мотив котри и далєй иснує. Треца дїя приноши розпуку котра ше случує 10 роки од першобутней подїї. Тота драма свойофайтова ретроспектива генерацїйних розлукох у роздумованьох под час войны и у повойновим чаше. Автор досц отворено поставя питанє о способе борби за *руску жем* и питанє на чиїм боку треба же би були тоти борци. Буц *умилне баранче* чи ше бориц зоз шицкими моцями, бо, на концу конца, то наша жем, чи ше лєм маме бориц за ню ягод кед би була наша. Чия наша жем? Тото питанє будзе поставяне ище вельо раз у повойно-

вим чаше. Порушане питанє смисла сучасного дружтва, але одвита на питанє нєт.

Славица Шовш

Елегантне пополаднє

Елегантне пополаднє понука нову атмосферу, нови приступ, а дилеми и зраженя подобох оставаю *стари*. Славица Шовш правдиве ошвиженє у тематским смислу. Главни мотив драми женске приятельство и його моц, але и слабосц. Же жена жену може швидко зніщиц у окруженю малогражданства и недовирия, то на самим початку яснє, а драма почина теди кед пожада ознова ю достац за вирну. Покус худобни розплєт, але нова, интересантна драма, без прикметох националносци або державотворносци.

ДЗЕЦИНСКА ДРАМА:

Дюра Папгаргаї

Наталка – дзівче хторе любело конї

У дзецинскей драми *Наталка – дзівче хторе любело конї* читаче шлїдза сон дзівчеца же би мала свойого конїка. Ёй непорозумене и зражене зоз родичами, учительку, парняками, але и нереалносц того жаданя котре толкуе оец ю женє до швета фантазиї котрому ше вона, як и кажде дзецко полне мриї, придава зоз полним шерцом и духом. Обачлїве полне подзелене у воспитаню єдного дзівчеца спрам котрого оец слаби и недосц категорични, а мац упарта и не одступа. Заж лєм, дзівче у зраженю спрам обидвоїх. У борби за свойо становиско хтошка ше муши поцагнуц и праве теди кед думама же родичи под прициском попуца, дзівче котре вирне своєй фантазиї их женє до нового швета, того котри ёй сами понукли.

Силвестер Дорокхази

Перша любов

Тото драмске діло припада дзецинскей драми, але є баржей орентоване на тинейджерох и як таке, єдине котре обявене по руски, а до тика ше теми любови у *найчежших рокох*. Тот текст духовита комедия о процесох залюбюваня, о комплексох, але и о интересованьох котри дозреваю... Текст ошлєбодзени чежких питаньох, язык до одредзеной мири прилагодзени (гоч могло и вецей зоглядом на тото же подоби пре свойо роки маю оформени моцни жаргонски язык), драмска дія не пребарз вимагаюца, але цікава. Но, и попри того, тот текст по тераз на сцени поставени лєм раз. Подоби типизирани, але през тоти нари си видзимо мали дзецински швет и їх точки операня. Обачлїва потреба за припаданьом, але и индивидуалносцу, цо главни причини зраженя у тих рокох. Заплет интересантни и гоч и у тей баналней ситуациї, напартосц присутна. Сам конєц покус штучни и здобува ше упечаток же є непотребни пре ровень безпечносци и безбриги котру панує през цали фалат. Угел спатраня на тот период и любов и так индивидуални, та можебуц не було потребни так го децидно виражиц.

У часопису «Шветлосц» за 58 роки котри облапени през анализу обявени 63 тексти по руски. Обставини у держави, але и тренди котри ше провадзели унапрямили часопис же би дакеди меней лебо вецей уваги пошвецел праве тому додатку, та так и квалитет и вибор текстох бул меней лебо вецей цикави. Тото цо ше муши спомнуц же ше часопис за тот час закладак континуовано обявйовац драмски тексти и же у тим бул дошлїдни, окреме остатнїх рокох. Тиж так, вибор текстох бул наисце рижнородни з оглядом же жридли ані не таке вельке, та у тим периодзе обявйовани драми, комедії, радио-драми, автобиографски драми, драми за дзеци, трагикомедії... Обявйовани класични драми, але и модерни, драми зоз валалского живота, та аж и научно-фантастични прикази.

Ключни мотиви руских драмских текстох шлїдуюци:

1. Обще питанє националносци

Интересантни факт же скоро кажде драмске діло у даєдней хвильки було унапрямене на руску националносц (ридки одступаня, на пр. Ирина Гарди Ковачеви *Перша змена*, Штефан Гудак *На вигнанцу*, Мирон Канюх *Вистнїк*, Славица Шовш *Елегантне пополадне*). Рускосц главна детерминанта при формованю подобох у драмох. Дагдзе подоба рускей националносци як прикмети ма пасивносц, дагдзе шмелосц, дакеди бешедлївосц и знаходлївосц, а дакеди є заварта и поцагнута, але єй тот рускосц дава одредзену характеристику котра ше вше наглашує, а єй значносц не ясна, голєм не у драмох котри ше не дотикаю националних темох. Индивидуализация можлїва и звонка питаня националносци.

«ЕРЖА: Та то лєм наплетли на ньго. Ти, Ганьо, уж знаш як то. Кед дахто маєтнейши та му уж кажди у валале завидзи. То уж наш Руснак таки... Але патьце, жени, крави иду с поля, понагляц би дому, бо моїх нет дома. Ви не идзеце?» (Михал Ковач *Суд правди*)

Непотребне наглашоване националносци, вообщє не у вязи зоз тему и дію.

«...Але ми остала основна порука же ше мудри на цудзей чкоди учи, та твардо одлучим: будзем я зберац мудри виречєня. Ту сом зглайзац не годзен ані теди кед ци власна коалиция ногу подложи. По руснацким обичаю, но. Ша ми Руснаци кед не маме бог зна цо, голєм старини маме надосц.» (Дюра Папгаргаї *Илия Опозиция*)

Руснаци ше у векшей мири представляю зоз негатиwну конотацию. Кед ше о Руснцох бешедує у трецим ліцу, вони углавним маю негатиwни

прикмети. Тот факт гутори о присутним комплексу нїзшей вредности при Руснацох, але дава и микротезу о Руснацох як нема места у сучасним швецe.

2. Питанє вири и церкви

Тиж так, скоро кажди текст ноши у себе мотиви церкви або вири. Питанє вирского живота тиж моцна прикмета драмских текстох, чи у поглядзе блїжшей индивидуализациї подоби, чи у поглядзе опису дружтвеного живота. Руснак не Руснак кед є не вирни и кед не почитує церкву.

«И до церкви сом ходзела, и любела сом, ище кед сом була дзивка... Любим тото красне служенє, и так, любим пойсц, та. Любим церкву, любим финоту тоту. Гей, гей, красоту у церкви. (указує на образ, бере молїтвенїк) А дома ше не модлїм. И-и, дакус, по обичаю. Ма мойого ище дакус ше помодлїм, та за себе. Уж яки бул, але най му помогне Мац Божя, кед му треба, хто то зна. У тим зме народзени, виресли, та у тим и умреме.» (Ирина Гарди Ковачевич *Наша Ирин*)

Як и у литератури вообщє мотив вири останє єден зоз наймоцнейших, та аж прежие и комунистични рух и роки запровадзеного атеизму. Найдалей пошол Михеон Хун Кан у своїм власним толкованю вири и вереня до Бога, дзе трима же вон шлїдуюци Бог, але ше не спера од християнства, остава християн, та аж и пароха уведзе до ГуманШвета.

«ПАРОХ: И сада сте ви наш нови Месија?»

НАУЧИТЕЛЬ: На неки начин, да. Али Ја, уствари, хоћу да научим да сам ХуманБог и да као врхунски професионалац свих хуманих знања сачиним ХуманСвет у Хуманог човека у њему.» (Михеон Хун Кан *Научитель*)

3. Питанє дому

Поняце дому ше може анализовац зоз економского угла, же дом дакому там дзе його хижя, односно маєток, лебо же дом там дзе поєдинец ситуирани и бизовни, там дзе ма роботу, пенєж, дзе є материјално обезпечени. Потим, дом у одредзеним емотивним контексту може буц там дзе нам родичи, дзе нам родзина, сушедово, пайташе, там дзе валал, хижя, улїчка у котрей зме препровадзели дзецинство. Патраци през аспект патриотизму, дом може буц географска часц зоз котрей ше приселєли нашо предки, подруче на котрим ше бойовали вельки битки за отечество итд.

Ощербени за матичну державу, а вше цудзи у тей, у котрей ше находза, була то Сербия, Горватска чи Канада, Руснаци вельо чувствительней-

ши за питанє дому од сународнікох. Жажда за родимим крайом и власним домом котра при Руснацох присутна од нашого пресельованя до тих просторох поцагує и питанє похопйованя истого поняца при шицких нас. Дзе наш дом? Там дзе нам хижа, чи там дзе нам предки поховани, чи дагдзе дзе зме щешліви и материялно обеспечени? Варияції велі:

«Тоти часи прешли, я знам, и не думам же будучнось Руснакова у завартим, амишски стилу живота у двох або трох руских и полуруских валалох. Не тримам же руска економия треба же би була – жито на пойдзе, кукурица на чардаку. Напроцив.» (Микола Шанта *Сон о Львовє*)

Шанта не дава на початку одвит же цо будзе, лєм зна цо би не мало буц. Подоби витирвали у гледаню дома, а водзи их їх власна жажда за домом, за оцовщину, гоч дзе вона була (Жоцур, Львов, Галичина...)

«Чувар дзверох 2: Но, цо почац?... Зоз держави Сербиї, котра ма краля, а не кральовина є, ма гражданох, але ніхто не зна кельо их єст, ма граніци, але ніхто не зна покля су, ма Руснацох, а тоти, заш, не знаю ані хто су, ані цо су, ані дзе су, ані одкадз пришли, ані як им праве мєно хлопа и жени, а за инше най ше человек ані не пита!?» (Штефан Гудак *Русалка*)

Спрам автора ту дзе су подло и чежко, а дзе треба же би були, лебо дзе дакеди були уж ніхто не зна. Дому, жеми, заправо нет, лебо ше о ней не зна ніч. Кед є мотивски або тематски запровадзене, питанє националносци вше ясно одредзене зоз етнонимом, але ше не идзе ані крочай далей од того.

«МИРОСЛАВ: Наша жем...

ЯНКО: Чекай, чекай, хтора то *наша жем*? Руска жем? Єст дагдзе рускей жеми? А ти сигурни же знаш дзе ми Руснаци спадаме? Ти не знаш ані одкаль зме пришли!

МИРОСЛАВ: Я думам же тєраз не важне бешедовац о тим одкаль зме пришли. Важне тото цо ми сцеме же би було наютре, поютре...» (Мирослав Стрибер *Людзе тей жеми*)

У чаше войнох Руснаци забрали вшелїяки позиції, але єдно сигурно – углавним ше опредзельовали чувац и бранїц тоту жем на котрей су, без огляду на индивидуални чувства о оцовщини.

Мотиви єст вельо, остали необробени питаня хлопско-женских одношеньох, одношеньох младших гу старшим, але ше я, з тей нагоди, не дотикала людских одношеньох, але лєм човекових индивидуалних становискох спрам швета у котрим жиє.

4. МОНОДРАМА

Актере, але и теоретичаре театру ше складаю же театрални фалат заєднічка робота писателя, глумцох и режисера, але и сценографа, костимографа, технічарох и других учашнікох у театралним проєкту. Театер колективна уметносц, як у чаше кед настава, так и у чаше кед ше пласира до явносци. Кед монодрама у питаню, приходзиме до парадоксалней ситуації же ше ту звичайно шицки тоти елементи звезду на лєм єдну особу, та глумец постава и режисер, сценограф, технічар... Значи, монодрама и текст монодрами би були продукт єдней особи. Може ше вона вец вец спатраца як театрални фалат?

Без огляду на форму у котрей ше шицки дії муша звесц на єдного глумца, його задача остава иста. Вон публики муши пренесц приповедку о дружтве и швету у котрим жиє хаснуюци у тим толкованю свой глас, цело и бину на котрей стої. Радомир Путник, творец Антології монодрамох о тим феномену гвари шлідуюце: *Єден глумец постава цали театр теди кед ше мира його таланту щешліво злучи зоз идею представи. Поєднинєц у монодрами ма нагоду найнєпоштрєднейше ше обрациц публики.* (Путник, лит 6/2003)

Тота нагода представя текст котри написани у форми монолога, а треба же би могол зачерац найкомплекснейши диялоги, події... Нє вше ше писательови уда написац єден монолог котри єднак комплексни кед у питаню филозофски роздумованя и живописни кед у питаню франти и цикави ситуації. Тото цо монолог на сцени треба же би представлял, без огляду же чи є комичного або трагичного жанру, добре констатовал Путник: *Монолог треба же би бул составени зоз споведаньох тих найинтимнейших, найскритших и найемотивнейших правдох лебо дилемох котри ма драмски юнак. Тот юнак ше обраца гу себе самому, односно, гу своему двойнікови – публики.* (Путник, лит 6/2003)

Теория литератури инсистує на драмских прикметох монодрами, односно, на зраженю сукобених сценьох змесцених до свідомосци єдней подоби. Монолог лєм технічне средство же би ше тото зраженє розтолковало. На концу, по толкованю російского режисера Николая Євреїнова монодрама то драмски приказ єдного чловека у котрим шицки подоби лєм проєкция розличитих станох души главней подоби.

Сучасна монодрама у Сербії иснує од шейдзешатих рокох, але є актуална и константна од формованя Фестивалу монодрами и пантомими

у Земуну 1973. року. Кед жанри у питаню, Путник констатує шлїдуюче: *Доминую комедия и мелодрама; иснованє велького числа комедийох значи же можлїве витвориц комични диялог зоз самим собу. Мелодрама, як облюбена театрална форма, посцигла одредзени поени у одношеню на други жанри, прето же єй суцносц допуцує мишанїну сентименталносци и животней горчини у котрей людзе, найчастейше, препознаю власне искусствие.* (Путник, лит 6/2003) Подобни констатації би ше могли поставиц и за жанри драмских текстох монодрамах по руски.

4.а Монодрама при Руснацох

Од 63 текстох котри у оригіналу писани по руски, аж 18 тексти написани у форми монодрами. Перши монодрами ше зявюю дзекуючи Евгению М. Кочишу котри провадзи тренди у окруженю и першу монодраму по руски пише уж 1980. року, а истого року є обявена у часопису «Шветлосц». Медзитим, од теди маме ище два його монодрами (опатри число 96 и 99) и до початка дватисячитих рокох ше не обявела ані єдна монодрама по руски. Організованє Фестивалу монодрамах по руски у Новим Садзе 2002. року, а рок познейше и розписованє конкурсох за драмски тексти у форми монодрами по руски порушали продукованє и обявйованє таких текстох. Часопис «Шветлосц» у своїм драмским додатку од перших рокох провадзи и обявює тексти котри ше зявюю на фестивалу. Таке число монодрамах досц вельке. Патраци глобално, велька часц текстох котри у драмским додатку «Шветлосц» обявени творя монодрамски тексти. Чи то наисце прето же руска популация люби читац и твориц таки змисти?

Вшелїяк же єден час, праве у перших рокох Фестивалу монодрами (исти фестивал од 2014. року ноши официјалну назву Фестивал малих сценских формох «Дюра Папгаргаї»), таки змисти були публики цікави, бо представляли цошка нове, незвичайне и швиже у доменах рускей театралней діялносци, але и литератури.

Прикмета фестивалу котра принесла окремну популарносц таких текстох медзи Руснацами то же вони унапрямени директно гу рускей публики. Як цо єдна зоз стаємних учашніцох, але и авторка текстох, Ирина Гарди Ковачевич, гвари: *Сам Дюра Папгаргаї за перши фестивали дал прилог з текстом котри бул темпировани же би прицагнул широку и то праве руску публику. Покус иронїчно-сатирични, з инсистованьом на гумору найширше прилапеному, вон преправел драгу автором котри го шлїдзели.* (Гарди Ковачевич, лит. 5/2014)

Медзитим, не сигурни зме же го авторе цалком провадзели по тих драгох. Будзе же од нашлїдства котри Дюра Папгаргаї дал своїм нашлїдніком у идущих роках писателе монодрамах найбаржей затримали тоту прикмету *рускоци*. Окреме женски авторе, озда пре свою виражену емпатию и прихильносьц писаню одредзеной файти носталгичного споведаня о прешлосци, найчастейше писали о чежким дзецинстве и живоце жени, Рускинї. Даскельо роки познейше, цо ясно мож провадзиц и през обявйовани тексти у драмским додатку, маме найвекше число текстох руских авторкох и то зоз подобну тему. Шицки представляю носталгичну спомин на чежку прешлосц Рускиных котри пришли до тих крайох. Спомнута авторка Гарди Ковачевич далей толкує: *Досц длуго ше змистово Фестивал рушал у узко национално-фолклорних, та аж и етнологийних просторох, же ше на єден завод видзело же ше заглоби до коляї у котрей чежко будзе витвориц даяки розвойни поцаг у смислу осучасньованя змиста и форми, котри заж лєм одредзени з векшей часци зоз змистом литературней основи на котрей ше театр поставя.* (Гарди Ковачевич, лит. 5/2014) Поцаг ше трафел кед ше Фестивал, а зоз нїм и конкурси за нови драмски тексти, котри наша тема на тот завод, преширели змистово на форму дуодрами, фестивал малих сценских формох. Од теди ше у драмским додатку зявюю и тексти дуодрамах, як єдна зоз новосцох у литератури и драмскей дїялносци.

Вшелїяк же найзначнейши ефект такей єдней габи заправо нови авторе котрих тот фестивал и тоті конкурси виядрели. Руска литература на тот завод збогацена зоз велїма текстами уж афирмованих авторох, алє цо ище важнейше и зоз новима писателями котрима, можебуц, праве така форма виражованя хибела же би у себе пребудзели потребу за писаньом (Славица Шовш, Мария Сопка). Як цо зме уж спомли, на тих конкурсах одступнїцу тримаю хлопи, алє праве хлопски авторе, алє, цо ище интересантнейше, и хлопски подоби у драмах з пирка руских писательох, тоті котри, як ше укаже, буду давац ширину и розкош кед у питаню тематика.

4.6 Мотивски репертоар монодрамох

Евгений М. Кочиш

Хтошка виновати

Соцреалистична монодрама **Хтошка виновати** приповідка о живоце жени у заедніци у котрей ма потримовку лєм цихого, поцагнутого швекра. Мац и син ше удружели и вона воює свою войну сама зоз собу. Оддаленосц и невирносц мужа ю розпина, а вона ше бори зоз дружтвом, стредком, власним одхованьом и власну пиху. Тоти мотиви присутни на початку драми, алє у перипетії спознаме примарни мотив, генераційни яз котри перше вона осетела на своєй скори як жертва, а вец ше и сама находзи у ситуації у хторей ше бори зоз власну пиху же би од другей особи не правела исту таку жертву. Шицки подоби, а окреме главна, маю числени глібоки морални и психологийни дилеми. Гу концу драми уплета ше питанє равноправносци медзи полами, алє одвит виостава.

Я тебе – ти мне

Я тебе – ти мне социялна монодрама чию приповідку терхую рижни питаня о малженских одношеньох, колективних одношеня, справованьох у дружтве, на работи итд. Правда и щиросц котру шицки обчекуєме и вимагаєме од других, кед конечно будзе виповедзена, зна спричиніц боль и неприємносци, та дзекеди и не вериме до неї. Припознаваюци же є *не таки добри* главна подоба ше препитує чи наисце таки треба буц же би витирвал у новонасталих социялистичних пременкох. Митро чесни, алє покус наивни человек и роботнік, першираз нашедне, алє уж другираз пороби иншак, научени на власней гришки. Без огляду на тото, вон ше и далєй препитує о надредзених, колегох, приятельох... Монодрама длуга, мотивски є розошата, а ані єдно питанє не достава свой конечно одвит, та и морална поука виостава. На плане язика, монодрама богата зоз архаизмами, приповедацки цек збогацени зоз фразами и идиомами.

Каліка

Подоба у монодрами **Каліка** виноши свою чежку судьбу широти котри пре причину же остал сам на швеце, без искусствия, кед же го власна норовносц водзи, покус наивно ше уплєце до ище векших чежкосцох. Чловекова жажда за пенєжом може буц нательо мощна же Йовген забу-

ва на фамелию, дом, здобуте щесце, медзитим, думки на тото го не охабя аж ані кед пойдзе до иножемства пре пенєж, а носталгія окреме моцнеє з часом и кед остане сам, калїка. Напартосц Йовгенового керованя одходу дому и обчекованя фамелиї вирно приказани и монодрама ше покус прелїва до реалистичней новели чи роману, але гоч як, Кочиш остава вирни свойому реализму и з тим уноши окремну драматику до монодрами.

Ирина Гарди Ковачевич

Наша Ирин

Ирина у *Наша Ирин* представя архетип *идеалней* Рускини, добрей жени, мацери, супруги... Витирвала, мирна и чесна вона ше бори, сциха, але моцно, по остатні дих. Мелодия, вибор словох и тематика дава тей приповедки о прешлосци жалосни тон. Интимизация даяких подїйох зоз живота главней подоби ю ище баржей розголює и дава прикмету бидней, натрапеней жени. Сповидане покус конфузне, нароком чи нездобачки, неясне. Присутни етнологийни и фолклорни мотиви. Подоба ше вше враца на виприповедане, а конєц и початок одрезани од целосци.

Левонowo войны

Левонowo войны биографско-документарни приповедки о войнох и дожицох подоби у тих подїйох. Левон фамелийна жена, циха, витирвала. Покус соцреалистичне толковане, гоч діло не припада тому периоду, голем є не обявене у нїм. Конфузно наруцани теми и врацане на виприповедане. На плане языка, локализми даваю интимносц при одношеню зоз публику, але их єст превельо и постава напарте провадзиц цек дії.

Милионерка

Милионерка ше опатра у жвератку искуствия котре здобула у предходних часох. Вона не нарика, не поносує ше, а приповеда о чежких подїйох зоз прешлосци. Свидома є пошлїдкох, але их не сце охабиц за собу, напроцив, вона ужива у отрушинох прешлих чежких часох бо зоз нїх вишла як морални побиднік. Чувствує ше одредзена носталгія гу часом кед ше борела и победзовала, вона позитивна, горда, самопоздана, цо вельки викрок кед у питаню женска подоба у тим жанру по

теди. Напарти, боляци теми доставаю кулминацию у поукох котри вишли з тих малих бойох. Ясне у идеї драми и цилю котри ма посцигнуц. Цильна група ясно одредзена. Монодрама сценична, прецизна у драмскей дїї и идеї.

Перша змена

Перша змена представя викрок зоз опусу монодрамох тей авторки. Приповедка актуална, сучасна и дружтвено ангажована. Подоба хлоп, вожач, оштри, гласни критизер згнітого дружтва котри и сам репрезентативни приклад того дружтва, але то не обачус. Константна борба за *нормалним* животом, кед не за просперитетом го примушела приклонїц ше тим од котрих задзера, а зоз котрима ше сце розраховац. Докончене по конєц, розплет провадзи идею о филозофским спатраню же зме шицки исти у неемпатичним и себичним швеце. На плане языка, обачлїви викрок до городского жаргону.

У двох перших текстах обачлїве феминистичне спатранє на живот жени. Без огляду на єй циху, мирну и послухну норув, вона супериорнейша од хлопа у економским и емотивним попатрунку. Ирина Гарди Ковачевич прешираз уноши руски фолклорни и етнологийни елементи до монодрамох, але и якешик сентименталне вреднованє истих. Тото спрочинї, як цо случай и зоз шлїдуючим автором, же би ше познейше зявели тексти котри буду мац исти елементи, але вельо подлїйше инкорпорирани до приповедки, подобох и цалосци.

Дюра Папгаргаї

Масонка з куртого шору

Масонка на покути у Европи

Перши два монодрами споведанє истей подоби. За подобу ***Масонки з куртого шора*** и ***Масонки на покути у Европи*** стої, барз децидно, Рускиня, валалска жена, але и огромна потреба за особним успехом и витвореньом особного идентитету. Тота потреба ше найдзе у войни зоз заєднїцу у котрей паную неписани традицийни правила... Вона вибера бориц ше за себе и своєю идеали, без огляду на пошлїдки и думаня других. На плане языка, алузия на губене руского языка лєм нарисована, недошлїдно є запровадзена. Духовити, швидки текст подредзени *забави*, але збогацени зоз крадкими моралними порученнями.

Илия опозиция

Илия у **Илия Опозиция** подоба котра ше намага од живота вжац цо вецей, а зоз цо меней жертви. Кед и постане жертва намага ше не жаловац ше, але з того вицагнуц поуку. Представя Руснака котри витирвали, а од ситуації завиши чи будзе глупи чи мудри, знаходліви лебо виновати... Полни є живота, позитивни и исти вше починац од початку зоз єднаку моцну виру до успиху. Присловки, шпиванки, поуки и вирази збогацую текст як литературни фалат, а подобу прибіжжю публики.

Шицки три монодрами писани виключно за руску публику. Присутни иронічни алузії на руски институції, подоби, валали, слова, але и вирски живот Руснацох як фундаменталну часц каждого Руснака. У других культурних стредкох алузії и метафори непреознатліви. Папгаргаї принесол цошка цо ше може третирац як «руски хумор», вон оригінални, индивидуални за руску литературу, медзитим, зявели ше велі тексти котри упарто сцели буц подобни тим, а не були ані подла копия. Чезко повесц кельо у шветовой литератури таки твор препознатліви, але и кельо то авторови бул циль. Заєдніцке при монодрамах того автора хаснованє стилских фігурох у франтох; метафора, ирония, та и гротеска присутни у шицких трох текстох. Обставини у держави, политични стан, обчекованя окруженя и фамилии главни обтерхованя и причини конфликтних ситуацийох тих подобох, а тото цо таке діло чишлі до комедийох ситуації, то способ на котри ше вони боря зоз тима конфліктами. На плане языка присутни вельо странски слова, штучно инкорпорирани до руского языка (сербизми, германизми), вони иронічно указую на проблем асимілованя языка. Гуторя вецей о інтелектуалним стану особох, але маю функцію комичну ситуацію привесц по верх комичносци. Дружтво у котрим жию тоти подоби, але и вони сами поставаю гладни статусох, функцийох, угляду и почитованю у своїм обисцу и валалє цо шицким тром монодрамом дава Чехововску прикмету.

Михеон Хун Кан (Мирон Канюх)

Я...

Два монодрами повязани и бешедую о истей події, розлика лєм у перцепції. Першираз ше подія спатра зоз угла еґа, а другираз зоз угла алтереґа истей особи. Интересантни драмски поступок котри абсолютна новина у рускей драми.

У монодрами *Я, исцелитель* ше зявює мотив поганских вереньох наспрам вирского живота. Обдумане драмске діло, зоз елементами драми. На научно-фантастични способ толкує християнску виру и на єй постулатох будує фантастичну приповедку о правди. Гу концу діла ше траци драмски ефект, алє остава розплет у єдней мотивскей сфери котра ше провадзи од початку и котра читача приводзи по абсурдне спознанє о християнскей вири. Индивидуалне, иновативне и вирне авторовому стилю.

Монодрама *Я, пророк* фантастична приповедка о *вибраних людзох* котра ше наставя, на одредзени способ, на претходну приповедку. Може ше толковац и як биоґрафия алтереґа главней подоби зоз першей монодрами. Монодрами з векшу свою часцу не сценічни, лебо би чежко то могли постац, алє приповедацки поступок интересантни, а филозофски аспект им дава цикавосц.

Мой живот зоз Месийом

Автор тот, як и велі твори после того, толкує тоту форму як фантастично-документарни предсказаня, а питанє же цо у тим предсказаню драмски елементи.

Тота *документарна* часц зоз наслова ше дотика автобиоґрафскей часци його живота, а фантастични елементи з тей нагоди не обачліви, кед ше предсказанє спатра зоз угла драмского діла. У тей свойофайтовей автобиоґрафії ше зявюю три женски подоби котри були присутни у єдней часци авторового живота. Авторово надпомнуце у дидаскалийох же би тоті три улоги бавела єдна особа, та ше тото діло лєм прето находзи у часци роботи котра пошвецена монодрамом, алє то не єдине ришенє, а мож повесц, ані не найлєпше. Приповедацки час чече шором по яким ше зявюю и особи зоз живота автора, перше пайташка зоз младосци, потим службеніца зоз дестилерії дзе автор бул директор и дзе формовал Заєдніцу християнских народох, а на концу сушеду зоз котру бешедує о сучасней анализи Библиї и зоз котру уж ма нове мено, треце

по шоре. Кажда зоз подобох спатра на його живот зоз своєї перспективи, але индивидуализация не поробена и обачливе авторово особне думанє (позитивне) кед през тоти исти подоби бешедує о його становискох, справованьох... Не мож керовац факт же при тому авторови присутна потреба виражиц власне прежите искусство през писанє, але остава питанє чи тото искусство наисце нательо цикаве же би було тема аж трох драмских ділох (опатри число 187, 191 и 200).

Тайна гуманитарного сексу

Духовита приповедка о живоце єдного молодого человека, леґиня зоз варошу зоз єдним окремним талантом и потребу – сексом. През духовиту алузию же секс помоц загроженим женом (але не и хлопом!?), на миркопланє ше бешедує о хлопско-женских одношеньох, любви, спреводзки... Обачливи и можливи поровнания зоз авторовим окруженьом, у поглядзе детерминованя валала и установох, та мож нагаднуц ище єден дотик зоз шветом котри окружує автора, але лєм по уровень кед фантазия надрошне алузию. Дзешка коло заплєта ше идея розяшні у ровні того же сексуални активносци лєм ствар апетитох и як таки, треба их ублагац. Даскелі чечуци проблеми главна подоба ришує зоз меней або вецей успиху, та тото по сам конєц, од тей приповедки прави драматични моменти, але то ище вше не значи же тот фалат, як и спомнути други монодрами автора зоз тим другим меном, драми у литературним смислу.

Серафина Макаї

Феброн

Монодрама **Феброн** представя недописани диялог. Не пласира ше публики. Подоба ше враца до свойого швета у валале дзе охабела свой живот, а цудзи жила индзей. Носталґийне розположенє пре врацанє до родного места розбудзи памятки, але и Миткетовску *жал за младост*. Присутни локализми, подоби, места, людзе познати лєм писательки, нет капчи зоз ширшу публику. Феброн ище ма жажду за щесцом и покойом, але свидомо и щиро припознава же вона страцена давно.

Дзе тота Фема?

Юлин, подоба монодрами **Дзе тота Фема?** толкує судьбу котра му ше трафела, баржей гундраюци як смуткуюци же не було лепше. Вон

прости, валалски чловек котри задзера од шицкого цо нове, сучасне, але покус и жалує же му ше пре тото даєдни ствари вишмикню зоз рукох, та и власна жена. Лайтмотив *дзе тота Фема* недошлїдни. Неясне же кому пласира свою приповедку, недоповедзене. Заєдніцки елементи за тоти два діла же подоби слаби бориц ше за свойо идеали, вони потрошени, стари и жию свой живот наздаваюци ше же им щесце и спокій сами приду. Заєдніцки мотив и алкоголь як омамлівач ситуації, односно вилет зоз реального живота и подоби пию през цали час споведаня. До конца представи су пияни и то ясне и през катарзу котру доживю у своїм споведаню. Присутни мотив иножемства як обецаного раю, але географски приповедка змесцена до Сербиї, малого валала, типа Коцур, дзе, парадоскално, присутни гард и задзераючи став од шицкого цо сучасне и модерне.

Славица Шовш

Мустра

Нове цо авторка понукла у монодрами ***Мустра*** то тото же вона ма функционалносц и звонка рускей заєдніци, але ма дозу сентименталносци и горчини котра блїзка рускому культурному стредку.

През диялог подобох видзимо борбу двох женох за доминацию, вони исти, але ше праве прето и не церпя, кулминация діла то момент кед жена – супарніца спашава свою *вирну од долї валалскей жени*. Абсурдносц датеї ситуації дава ділу комичносц и подоба нас водзи през ясни елементи драми, по розплет.

Мария Сопка

Жвератко

Жвератко горке споведанє старей, витрапеней жени, але зоз катарзичним, ясним розплетом. На моменти достава путописни, нараторски жанр, а без смисла и потреби. Присутна крайня потреба автора виражиц прежите, особне искусство. Мотиви препознатлїви (доминантни муж, але жена супериорнейша, медзитим, вше у циню фамелії, дзецох, обисца).

Юлиян Пап

Ей, бул то кедиш красни час

Діло *Ей, бул то кедиш красни час* здабе на авантури главней подоби, але є у домену жанра, але и концепції знука нього недоробени. Розтаргане є на мали приповідни целосци, та ше целосц діла траци у тих фрагментах єдного живота. Не писане є як драмске діло, але як франта лебо огляднуце на друство. Автор потупел начало нужности целосци єдного литературного діла. До конца ше мотиви мишаю и наставляю, вельки мотивски опус, але наруцане и неорганизоване. Тримам же тому ділу не место медзи драмским текстами. Таки тексти можу буц порушуюца точка за жанр котри у виводзацкей форми найвещей може буц скеч.

* * *

Феномен монодрамох, точнейше, обявйованя монодрамох рушел од Фестивалу, як цо уж спомнуге, але вшелїяк обачліва тенденция обявйованя истих у єдним чаше. Часопис «Шветлосц» зоз драмским додатком бизовно диктира тренди у рускей драмскей литератури, та з тим прикладом єден час тексти монодрамох популаризовал. Гу тому, форма тих текстох звичайно кратша як други драмски тексти, та є и зато прицагуюца обявйовачом, але и читачом. Така моц уплїву на друство єдного додатку не шме буц занедзбана.

Єдна з характеристик то *локализми* присутни у векшини монодрамох, а находза ше у сферах топонимох, оронимох, ойконимох, хидронимох и антропонимох, але и даєдних людзох котри препознатліви рускей публики. Приповідка зоз тим публики цикавша и препознатлівша, діло будує свою приповідку на познатих поняцох и зоз тим ю публика лєгчейше прилапи. Остава питанє чи феномен же таких словох єст у векшини монодрамох позитивни чи не. Можеме вибудовац стабилну и интересантну драмску форму звонка рускей заєдніци? Нам *руски питаня* нательо важни чи ше лєм обаваме писац о сферах звонка теї *нашей*?

Друга характеристика котра ше обачує наставля ше на претходну. Монодрами у векшини случая траца свою вредносц кед би ше спатрели з угла другого языка. Практично, даєдни комични ситуації язичней бариєри ше не можу преложиц, бо траца змисел. Тиж так, одредзени улїчки, або аж и цали валали познати рускей заєдніци и комични ситуації ше будує на претходних информацийох або вереньох о тих местох, та оста-

ваю неясни кед су непознати. Таки упечаток ше преруцує на сценичносц истих текстох, у остатнєй фази тей литературней форми, у їх виводзеню, вони пребарз узко орентовани цо ше публики дотика, а з тим и траца свою ясносц и идею.

Главна и незаобиходна прикмета шицких текстох монодрамох то вирски живот. Независно од жанру и стилу, бешедней форми лебо теми, вирски живот нашол места у приповедкох шицких монодрамох. Спомина ше у комичних ситуацийох, як човеково спашене, як терха дружтва, вична дилема... Єдно сигурне, не иснує драмска подоба у монодрамох котра на даяки способ не опатра у жвератку християнства.

Дюра Папгаргаї и Ирина Гарди Ковачевич ношителє початку писаня монодрамох и при векшини других писательох присутни даєдни елементи їх творчосци, менєй лебо вецей успишно вихасновани. Як цо сом уж наведла, дискутабилне кельо то добре лебо не, але є обачливе. Заключуєме же ше авторе, кед тота литературна форма у питаню, не операли на странских авторох лебо на шветову литературу, але провадзели тот мали але важни, початніцки корпус и од нього преберали идеї и концепти.

5. ЗАКЛЮЧЕНЄ

Пренайдзене 132 число котре ма драмски додаток. Находзиме 79 тексти странских авторох. Найзаступенши сербски авторе зоз 26 текстами, а такой за німа російски зоз 22 тексти. Найпопулярнейши странски авторе Антон Павлович Чехов, Йован Стреия Попович и Бранислав Нушич. Преклади странских авторох поставаю окреме популярни у виданьох од 1972. року. Як найчастейши прекладатель ше зявює Микола Скубан, а у новши час Владимир Надь Ачим як, нажаль лебо на щесце – єдини. Прекладани класикове (Чехов, Стерия, Крлежа...), а од 1990 – тих ше преклада и сучасна драма (Курейчик, Буачидзе...).

Часопис «Шветлосц» у периодзе после 2000. року углавним обявює тексти руских авторох и тексти котри преложени за потреби театра и то звичайно «позно», односно, теди кед тот текст гу публики уж сцигол преїг премиєрних и репертоарних наступох того театра. Така пракса єднак идзе на чкodu и часосписа и театралней сцени и потенциалних театралних проєктох. Факт же єден таки часопис, як цо «Шветлосц», постпремиєрно обявює тексти котри режисер преложи за потреби свого уметніцкогo виразу покус поражуюце. Прекладане би мушело буц способ приношеня нових трендох на нашу сцену, а не повторйоване того цо уж на ней маме, але и то лєм рефлекс того же нам прекладательство занєдзбане.

Тексти котри у ориґиналу писани по руски находзиме 63, а од того 53 тексти у драмским додатку часописа «Шветлосц», а 10 тексти вишли у двох тематских числох часописа, по пейц у каждим чишлє. Тренд писаня и обявйованя текстох руских авторох бул актуални коло седемдзешатих рокох и заш ше у велькей мири зявює од 2000. року и тирва и далєй. Друга габа писаня текстох ше зявела дзекуючи новонасталим тренду писаня и виводзєня моно и дуодрамох. Найвєцей тексти маю Дюра Папгарґаї и Михеон Хун Кан, а за німа Михал Ковач и Ирина Гарди Ковачевич.

Ключни мотиви у репертоаре драмских текстох руских авторох то мотив националносци; мотив вири и церкви и мотив дома. Вєкшина подобох у драмох руских авторох мала даєден од тих мотивох як точку зраженя зоз другима подобами лебо дружтвом, лебо тоти мотиви виволовали нукашні дилеми. Интересантне же, без огляду на рижни и числени дружтвени пременки у тим периодзе од безмало пол вика, вєкшина проблемох Руснака лебо Рускинї скоро исти. Мож повесц же тоти

мотиви часци єдного векшого питаня, а то питанє идентитету, котре и у драмских тєстох будзе цикавиц и гартушиц подоби, та вєц и читачох. Найвєкше число драмох то у ствари драми зоз валалского живота, алє у новшим часе исную намаганя оддрилїц ше од тей форми и препушиц драмским приповедним цалосцом котри нєдетерминовани националистично або дружтвєно.

Мож заключиц же руска драмска творчосц позна класични драми, комедии, трагедии, фантастични прикази, автобиографски прикази итд. Часопис «Шветлосц» ше цали час иснованя закладал за континуитет у обявйованю драмских тєстох представляюци зоз тим жридли напаваня за живот театралней дїялносци. Драмски додаток прето єден зоз найзначнейших рубрикох наших публикацийох котри уж 65 роки континуовано, сциха и нєнадрилююцо збогацує руску литературну творчосц.

Литература:

1. Ю. Тамаш (1997), История русской литературы,
2. Дю. Латяк (2008), Театрални живот Руснацох, НВУ „Руске слово“
3. Дю. Латяк (2011), Театрални живот Руснацох, НВУ „Руске слово“
4. Ю. Рамач (2006), Граматика руского языка, Завод за уџбенике и наставна средства
5. Зборник текстох з фестивала малих сценских формох „Дюра Папгаргаї“ (2014), НВУ „Руске слово“
6. Р. Путник (2003), Антологија савремене монодраме, Фестивал монодраме и пантомиме
7. Часопис за литературу и културу „Шветлосц“ (1952), рок I, число 2, НВРО „Руске слово“
8. Часопис за литературу, културу и друштвени питаня „Шветлосц“ (1988), рок XXVI, число 5, НВРО „Руске слово“
9. Часопис за литературу, културу и друштвени питаня „Шветлосц“ (1990), рок XXVIII, число 1, НВРО „Руске слово“
10. Часопис за литературу, културу и друштвени питаня „Шветлосц“ (1990), рок XXVIII, число 1, НВРО „Руске слово“
11. Часопис за литературу, културу и уметносц „Шветлосц“ (2008), рок XLVI, число 1, НВУ „Руске слово“

CIP - Каталогизација у публикацији
Библиотека Матице српске, Нови Сад

050.488(=161.2)(497.11)"1952/2010"

ЛЕНДЕР, Александра, 1987-

Литературно-историйни дискурс драмског додатку часописа "Шветлосц" у периодзе од 1952. року по 2010. рок / Александра Лендер. - Нови Сад : Завод за културу войводянских Руснацох, 2017 (Петроварадин : Алфа Граф). - 67 стр. : илустр. ; 24 см. - (Едиция Иновацији Владимир Гарянски)

Тираж 100. - Библиографија.

ISBN 978-86-89945-15-7

а) Шветлосц (Часопис) - 1952-2010
COBISS.SR-ID 318097927